

18+

Валерий Иосифович Василевский

В ПОИСКАХ ШАМБАЛЫ

Валерий Василевский
В поисках Шамбалы

«Издательские решения»

Василевский В. И.

В поисках Шамбалы / В. И. Василевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515414-9

Когда я начал писать эту книгу, то думал, что она станет продолжением опубликованного детектива «Отложенная партия». Но вскоре понял, что герои своевольничают, уводят меня во времена своей юности. Так продолжение стало началом. А главным героем её стал другой человек. Продолжение обманывало мои ожидания, выстраивало совершенно другую историю. Недоумевающий автор пытался бороться, искать увлекательные приключения, а сюжет всё больше уводил взрослеющего главного героя к поискам своего Я.

ISBN 978-5-00-515414-9

© Василевский В. И.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Вступление	7
Подарок судьбы. 1991 год	8
От автора	10
Разгадка	13
Вспоминает автор, тоже живший в Кисловодске	14
Способности к языкам – вот капитал!	16
Случайность? 1979 год	17
На пороге перемен	19
Заманчивое предложение	21
Сомнения	23
Таинственная новость	25
Лучше, пожалуй, уехать	27
Цеховики и воры договариваются. 1979 год	28
Только правильно выбери цель	30
Маленький урок	32
Ницца, 1991 год. Воспоминания о событиях 1979 года	34
1980 год	37
Артель «Печора»	38
Да, подумать есть о чём	40
Новые знакомые	41
Макс рассказывает	43
Сложные судьбы	46
В клубе. 1980 год	50
Вечер с Максом	53
Уроки в новой школе	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

В поисках Шамбалы

Валерий Иосифович Василевский

Редактор В. Осипов

Корректор В. Раэлов

Дизайнер Р. Эллинская

© Валерий Иосифович Василевский, 2020

ISBN 978-5-0051-5414-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Василевский Валерий Иосифович после получения диплома факультета журналистики МГУ работал в краевой курортной газете «Кавказская здравница», затем перешёл в центральную профсоюзную газету «Советская торговля» собственным корреспондентом по Ставропольскому краю и республикам Северного Кавказа. С началом войн переехал в Москву, занялся литературным трудом. Первая его опубликованная книга посвящена судьбе Героя Социалистического труда Захара Цахилова, начавшего в 1945 году руководить артелью, выпускавшей в Черкесске колёсную мазь, а через полвека ставшей под его руководством крупнейшим химическим заводом страны.

Вторая книга – «Отложенная партия» – несколько необычный детектив, написанный шахматистом, привыкшим рассчитывать длинные варианты за доской и в жизни. В этой истории переплетаются и запутываются взаимоотношения олигарха, его помощника, двух журналистов, генерала милиции, актрисы, археолога, которым приходится разгадывать загадки внезапно затухшей алмазной лихорадки, участвовать в съёмках фильма о Льве Исавре, будущем императоре Византии, прожившем в восьмом веке на Северном Кавказе шесть лет.

Книга, которую вы сейчас читаете («В поисках Шамбалы»), – о сложном начале жизненного пути молодого кисловодчанина. Подробно об интриге её автор рассказывает во вступлении.

Вступление

Когда я начал писать эту книгу, то думал, что она станет продолжением опубликованной в 2019 году детективной истории «Отложенная партия». Но вскоре понял, что действующие там герои своевольничают, уводят меня во времена своей юности. Главным героем её стал другой человек. Так продолжение потихоньку обманывало мои ожидания и, оправдываясь нахлынувшими воспоминаниями, стало началом, выстраивало совершенно другую историю. Недоумевающий автор пытался бороться, искать увлекательные приключения, а выстраивающийся сюжет всё больше уводил взрослеющего главного героя к поискам своего Я.

Поэтому мне пришлось перестраиваться, прислушиваясь к растущему интеллекту Артёма, приглядываясь к намечающимся поворотам его судьбы. Иногда в ход пускал спасательные ресурсы: перепрыгивал из одного времени в другое, вставлял отступления «От автора», а в конце этой книги сфокусничал: будет вторая её часть, на сей раз действительно продолжение. И там станет понятно, какую Шамбалу искал герой. У каждого своя Шамбала!

И следующая глава – не начало этой книги, действие которой проходит с 1978 по 1982 год, а будущее продолжение её. Своего рода реклама, завлекаловка. И будет ещё одна подобная глава, в которой, правда, речь пойдёт о событиях 1979 года.

Подарок судьбы. 1991 год

Вот и тогда... Он ехал в Монте-Карло, но позавтракал в Ницце. Когда же это было? В девяноста первом, девяноста втором? Начало марта. Тёплый весенний день. Артём чувствовал себя, словно в Домбае: горы в снегу, а можно загорать. Он даже искупался, удивив утром пляжное сообщество. Одевшись, начал сам удивляться: по набережной Променад-дез-Англе ходили стражники, словно сошедшие с картины Рембрандта «Ночной дозор», пробежали цветочницы в крестьянской средневековой одежде, шествовали дамы в умопомрачительных нарядах, гимнасты и клоуны в масках...

В городе бушевал карнавал! Завершалось двухнедельное веселье – красивый и шумный праздник на Лазурном побережье, появившийся еще в 13 веке. Так объяснил Артёму гном, выглядывающий из картонной пещеры, которую нёс в руках. Сегодня должны будут сжечь короля карнавала, его зовут еще королём дураков.

Артём осмотрелся. Везде ходили «рыцари» с оружием, действующим исправно – холостыми оглушительными выстрелами в никуда. Они веселили туристов. «Крестьяне» обедали в шатрах, и группа наряженных и раскрашенных непонятным образом людей танцевала и развлекала обступившую их толпу. А вот и король.

Кукла из папье-маше была высотой с шестиэтажный дом. Короля карнавала везли на большой платформе, вслед за ней плыла вся королевская рать: многоэтажные русалки, трехэтажные рыцари, огромный Гарри Потер, чуть уступающая ему Белоснежка, где-то потерявшая своих гномов. Драконы, лебеди, рыбы, летучие мыши, самого разного пошиба чудовища с оскаленными пастьями, вздыбленной шерстью и приветливо торчащими зубами, добродушные, улыбающиеся...

Только медведя нигде не видно, усмехнулся Артём. Но все равно это напомнило ему российскую масленицу в подмосковном лесу: завьюженную, с кулачными боями, снежками-снарядами во время взятия снежного городка, с неудачной попыткой влезть на гладкий ошкуренный ствол сосны-столба, на самой вершине которого красовался приз – трёхлитровый бочонок с пивом, а потом – ночёвка под сосной в палатке... Ах, как было здорово!

Вдруг вместо снежка ему по щеке что-то хлестнуло. Роза! И на голову высыпался ручеек цветов с проезжающей рядом платформы. Вскинул голову: залиvisto хохотала маска. Невольно улыбнулся. И в это мгновение сверкнули чудные голубые глаза. Никаких сравнений о их красоте не успело прийти в голову. Девушку кто-то подтолкнул, она выронила маску, словно ныряя, соскользнула с платформы и... очутилась на руках у Артёма. У него с малолетства была очень быстрая реакция. Он пронёс девушку до ближайшей лавочки.

– Не больно? – Поставив её на ноги, машинально спросил по-французски. – Она, опустив глаза, смущенно молчала, оправляя платье в форме длинной рубахи, из плотной парчи, расшитое золотыми нитками. Такие же золотые узоры были и на большом белом платке...

– Каз! – Вспомнил Артём. – Так называется этот головной убор. Только в Дагестане, только в Кубачах женщины носят такие платки и платья из плотной парчи, расшитые золотыми нитками! Но откуда такие голубые глаза в Кубачах? Не успел он задать такой вопрос, как девушка посмотрела внимательно, погладила его рукой по подбородку и сказала по-русски:

– Ой, а я вас знаю!

Вот-те на! Привычно быстродействующий мозг-компьютер на сей раз дал сбой. Заметался: не может быть: во Франции, дагестанка с голубыми глазами, говорит по-русски и меня знает??? Да я и в Кубачах-то был один раз и то случайно и недолго...

Голубые глаза, уловив растерянный взгляд, распахнулись еще шире. Она засмеялась.

– Вы и раньше носили меня на руках! – Продолжала хохотать девчонка. – Вспоминайте. Я не ошиблась, в тот день хорошо успела рассмотреть ваше лицо, помню красивые брови, этот

шрам на подбородке, ваши разноцветные глаза и маленькую родинку за ухом. – Артём впервые в жизни не мог отреагировать мгновенно. Носил на руках? Когда, где? В какой «тот день»? Как рассмотрела родинку?

Поющий, звенящий, гудящий и разухабистый карнавал внезапно умолк для него. Осталась только девичья ладошка, которую он успел зажать в своей руке. Она не пыталась убрать эту руку, даже положила на его пальцы вторую... И совсем уж неожиданно сказала ласково и как-то напевно:

– Артём! Вспомни 1 сентября, пятнадцатая школа...

Боже мой! Эту, тогда семилетнюю, девчонку с букетом цветов он – десятиклассник — действительно нёс на левой руке по двору школы, когда для неё звенел первый школьный звонок во время торжественного начала занятий. Каких-то две-три минуты. И она рассмотрела его так внимательно и запомнила! А как же он не удивился глубине её голубого, пронзительного взгляда?

Тогда ему было пятнадцать лет... И удивительно, он уже настойчиво шёл к намеченной цели...

От автора

Мой герой, Артём, не любит рассказывать о себе, поэтому мне придётся сделать это за него, чтобы читатели окунулись в атмосферу маленького северокавказского города-курорта, взрастившего и воспитавшего героя этого повествования.

Для начала вспомню одну историю, свидетелем которой он был. Она может стать лакмусовой бумажкой для понимания особенностей образа жизни, царившего в семидесятые, восьмидесятые годы прошлого века в СССР. Случилось это в Кисловодске, городе, который всенародный любимец Корней Иванович Чуковский, на чьих стихах выросло не одно поколение россиян, когда-то назвал третьей культурной столицей страны.

Преувеличение? Нет, если посчитать количество имен гениев российской культуры – поэтов, писателей, музыкантов, артистов, отдохавших и творивших здесь...

(Но есть одна грань этой ситуации, которая остаётся в тени, не так известна широкой публике. В Кисловодске можно было на терренкуре встретить председателя Совета министров СССР А.Н.Косыгина, даже посидеть с ним за соседним столиком, обедая в санатории, познакомиться с Галиной Брежневой, в очень популярном в те годы ресторане «Чайка» участвовать в застолье с её мужем, Юрием Чурбановым, вторым лицом в министерстве внутренних дел, пригласить на шашлык начальника алмазного фонда страны, на крутой тропе по дороге к Олимпийскому комплексу подружиться с каким-нибудь партийным боссом...).

В те далёкие годы я назвал эту историю, рассказанную мне не Артёмом, а другом Веней, «ЛЮБИТЕЛЬ В СТАНЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ ИЛИ ЧЕТЫРЁХХОДОВАЯ КОМБИНАЦИЯ». (Герои её не выдуманы, я был с ними знаком. Да и многие кисловодчане тоже). Но мне и в голову не приходило, что у неё может быть продолжение, пятый и следующий ходы. Прошло много лет, и пополнилась она событиями, выстроившимися в судьбу некоторых её участников.

Рассказ Вени. 1978 год

Когда тяжесть в желудке уравнивается лёгкостью в голове, мой друг Веня снова становится идеалистом. В модном галстуке и с портфелем он погружается в водопад воспоминаний. И парит там, между небом и землёй, пока не прерывается эстафета фуэжеров с шампанским, лучшим горючим для поддержания давления в его паровой системе.

XXX

– Был я молод. Знания и звания не очень отягощали еще моё сознание. Однако уже руководил отделом в краевой курортной газете. Считалось, что характер у меня нудный, для дипломатической службы я не рождён, чёрным пиратским парусам почему-то предпочитаю алые, гриновские. И когда однажды главный редактор Леонид Иванович Бехтерев попросил меня принять участие в рейде, который проводит торговая инспекция, я преисполнился чувства собственного достоинства и ожиданием приключений. Иду на Вы...

Я был убежденным сторонником раскрепощения женщин, освобождения их от рабства на домашней кухне. Тем более, что не могут они без знания физиологии, науки о питании, тончайших кулинарных секретов конкурировать с дипломированными поварами! Короче говоря, я верил, что, если кулинары в столовых и ресторанах будут соблюдать все правила, которым их учили, общественное, простите за память, питание сумеет накормить вкусно, максимально

сохранить пищевую ценность продуктов, затратить на это минимум времени, электроэнергии, газа, воды, наконец.

... Возглавлял рейд Иосиф Михайлович Каневский, легенда здешних торговых мест. Бывший мясник. Лучший в пятигорской торговой инспекции специалист по мясу. В молодости он так орудовал топором, что мог спичку с одного удара расколоть вдоль. Рассказывали, что ему достаточно одного взгляда на подброшенную в воздух кость, чтобы определить, из какой части туши – свиньи, коровы или овцы – сей предмет изъят. И даже попытка одного досужего экспериментатора несколько изменить конфигурацию кости с помощью топора закончилась триумфом инспектора.

После наивного испытания, заглянув ненароком на кухню смельчака, инспектор целый час рассказывал старателю в области фальсификации, почему для отбивных котлет нужно брать край туши, для разварной и духовой говядины – костец, затылок от филея и огузок к хвосту, а ростбиф лучше готовить из правого, но не левого бока, поскольку у левого филея жир как бы накладной и отделяется от мяса плёнкой, правый же бок составляет нечто целое, мясо его как бы пронизано жиром и точно мраморное...

На кухне кисловодского ресторана «Заря» (жаль, его больше нет) мне впервые довелось увидеть живую копию расположенной в нескольких километрах отсюда знаменитой картины «Не ждали!» художника Ярошенко (в музее его имени). Но через секунду заведующий производством, уже известный тогда мастер-повар Отари Михайлович Лобжанидзе грудью кинулся на амбразуру кухонной двери, пытаясь заслонить от кинжальных взглядов Каневского плиту и стоящую на раздаче блюд повариху. По мановению его руки фигуры в белых халатах стали привидениями, разлетевшимися по подсобным помещениям, унося кастрюли, противни и даже возмущенно фырчащую сковородку.

– Иосиф Михайлович! – Отари Михайлович! – разыграли сцену радушия и счастливой встречи два достойных мастера своего дела, очутившиеся по разные стороны баррикад.

– Халат для дорогого Иосифа Михайловича! – Главнокомандующий кухней продолжал оттирать инспектора заметным уже животом с возможного поля боя. Но вдруг словно уменьшился в размерах, заметив в моих руках поднос, уже нагруженный блюдами, заказанными и полученными в зале. Он понял, что проиграл первый раунд: официантская разведка подвела, не вычислили новый, незнакомый еще авангард инспекции. Я успешно выполнял эту роль по указанию Каневского.

Второй раунд тоже прошёл при подавляющем преимуществе рейдовой бригады. Взяв в руки тарелку с супом, Каневский подошёл к меню и прочёл: «Суп-харчо!?!». Потом торжественно поднес тарелку к носу, понюхал, покрутил в супе ложкой. – Будем взвешивать, просеивать, брать на анализ или сразу скажете, что ЗАБЫЛИ (выделил он интонацией слово) положить в это произведение мастера?

– Иосиф Михайлович, ну где я возьму курдючный жир? – взмолился гроссмейстер кухни. – Нету его на базе.

– А ткемали? Вчера закончился? Замечательно... Зачем же тогда портить впечатление курортников об отличном грузинском блюде харчо? Так и назовите этот труд рисовым супом, и цену не забудьте изменить... А это как называется? – Каневский брезгливо, двумя пальчиками, взял с тарелки какой-то пирог. – Беляши? Даже начинку смотреть не буду. Всё поломать и – на корм свиньям. Дорогой, вы же знаете, что начинка должна быть закрыта только с одной стороны, а весь беляш по форме – напоминать ватрушку...

По лицу Отари Михайловича можно было изучать значение слов «смирение, раскаяние», стремление понять изрекаемую истину...

Вскоре в торжественно заполняемом инспектором акте появились ещё сведения о недосе гарнира, десятикопеечном обчёте, допущенном официанткой, замечания по санитарии...

Шефа ждали большие неприятности, а он был удивительно спокоен, как поклонник Будды на вечерней молитве.

Мне и в голову не приходило, что участвовал я в игре без правил. Бедный любитель в стане профессионалов. Что? Вы подумали, будто инспектор разыграл спектакль? Ни в коем случае! Иосиф Михайлович аккуратнейшим образом исполнил свои обязанности. Он тоже был пешкой в большой игре. Просто в Пятигорском горкоме партии (а инспекция-то находилась на территории этого города!) был запланирован следующий раунд, о котором я случайно узнал гораздо позже.

Разгадка

Проходил он на следующий же день в банкетном зале «Зари». Состав участников действия несколько изменился. Ринг и его хозяин остались те же, а весовая категория партнёров Отари Михайловича оказалась на несколько порядков выше. Это были уже не рядовые бойцы инспекции-отряда, блюдущего правила советской торговли, а их региональный шеф, встречающий здесь очень высокого гостя из Москвы.

– А для чего же было твоё участие в этом представлении?

– Никогда не догадаешься! Мне это рассказали через несколько лет. Первый раунд должен был обязательно закончиться поражением шефа «Зари». Любую случайность нужно было исключить. Поэтому и ввели в бой резервы, которых на этой кухне никогда ещё не видели, но силу их (советской печати!) хорошо знали. Отари Михайлович должен был понять, что сам он не сможет, как не раз бывало, уладить дело.

Но это было вполне по силам его старинному другу, земляку, с которым в детстве пасли овец в одном из высокогорных грузинских сёл, а позже много лет работавшему в отделе пропаганды ЦК КПСС. Как раз в это время он отдыхал в Кисловодске. Вся комбинация и была задумана только для того, чтобы ряд высокопоставленных пятигорчан при помощи госторинспекции, была тогда такая контрольная и страшная для одних и услужливая для других структура власти, познакомить с московским «ферзем». Операция называлась «Коньяк расширяет не только сосуды»... После третьего раунда (с коньячком, шашлычком, великолепными закусточками), проходившего в банкетном зале «Зари», и началась многолетняя дружба московского и пятигорских партийных чиновников.

...А был ведь ещё и четвертый раунд, о котором знал только один из его участников. На следующий день после злополучного рейда ко мне в кабинет вошёл, прихрамывая, с палкой в руке решительный одноглазый человек, подошёл к столу, спросил мою фамилию, удовлетворённо хмыкнул... повернулся и молча вышел. Не гадай. Это был «Кутузов», с которым я познакомился гораздо позже. Такое прозвище получил один из самых влиятельных в грузинской среде кисловодских заведующих производством. Он просто приходил посмотреть, как выглядит новый резерв главного командования. Не очень-то, видно, хотелось и ему играть по правилам высоких профессионалов.

Для тех, кто считает, что сегодня кухонные дела давно минувших дней едва ли представляют практический интерес, могу объяснить, что остроумные комбинации чаще всего и рождаются в ресторанах.

Вспоминает автор, тоже живший в Кисловодске

Не все герои этой книги выдуманы. Многих читатели встречали, общались, даже дружили с ними. И события, в которых они участвовали, я вспоминаю, иногда немного видоизменяя, но стараюсь сохранить их суть. И знакомых моих я причёсываю, приглаживаю, добавляя в их характеры чужие краски, если это необходимо по мере развития сюжета.

Рассказ Вени я привел только для того, чтобы яснее стало, как вырастают комбинаторы. Банкетный зал ресторана «Заря» был инкубатором, где проклюнулся один из них. Застолья партийных функционеров и очень деловых людей стали той питательной средой для растущего мозга, который учился анализировать лозунги, украшенные обещаниями и завесой из вкусных слов, и сопоставлять с действительностью. Назовём его Артёмом.

Он на этой кухне крутился с 10 лет – помогал маминому брату-старшему повару, в армянско-грузинской семье которого вырос. Мама умерла при родах. Отца Артём не знал, дядя предполагал, что это был довольно богатый цеховик из Тбилиси. Шустрого мальчишку воспитывала улица. Жил он на Армянском посёлке.

Где-то на рубеже девятнадцатого века основали его выходцы из города-крепости Баязет, что расположен к югу от горы Арарат. Потому кисловодский армянский посёлок называли на первых порах «Баязетом». В 1915—1916 годах появились ещё беженцы из Карабаха и Турции, которые застроили район нынешних улиц Р. Люксембург и Курганной.

В дядином доме свободно говорили по-армянски и по-грузински, понимал Артём осетин-соседей, с которыми дружили домами. А в специализированной школе №2 он увлёкся изучением английского языка.

Почему? Хотелось правильно петь вместе с музыкантами в ресторане.

И это ему удавалось. К пятнадцати годам (а по паспорту ему было уже 16: дядькин дружок ухитрился подделать свидетельство о рождении, чтобы Артём раньше начал работать) этот рослый, красивый парень стал завсегдаем клуба в одном из санаториев. Бренчал на пианино, подбирая мелодии, пел в самодеятельности, а всё свободное время проводил в бильярдной.

Сюда захаживали кисловодские корифеи бильярда и карт Шурик по прозвищу Шараман, Леван Лобжанидзе, Сергей Хазаров... Они из тех, кто на своих ошибках – учатся жить, а на чужих – наживаются. Бывал здесь и Миша «однорукий», сложной судьбы человек, однажды вечером за рюмкой коньяка рассказавший мне, что был осуждён за разные подпольные (запрещённые государством) игры, как бежал из заключения с Сахалина...

«Однорукий» – прозвище такое. Просто Миша Шахназаров играл одной рукой лучше, чем многие двумя. В семидесятых годах прошлого века он в московской «Академии» (так называли бильярдную в парке Горького) такие концерты устраивал для профессионалов, прикинувшись периферийным лохом (причём с одной рукой якобы в гипсе!!!), что те его быстро зауважали.

И так уж получилось, что Артём, шустрый мальчишка, стал для старших друзей и посыльным по срочным делам (мобильников в те поры в Кисловодске не было), и доверенным лицом, и учеником, и партнёром... Играть в карты он начал лет в десять, а к пятнадцати обыгрывал друзей и соседей, не имея на руках ни козырей ни масти. И Леван, и Шурик, и Сережа охотно делились с Артёмом своими трюками: как «резать карты один в один», умело делать «скворец», доставать карты из «клина», подавать партнёру условные сигналы.

«Тёмка-Темнила» – такое прозвище уже присвоили мальчишке – тренировался каждый день, и эти несложные, но эффективные трюки выполнял безукоризненно. Но главное – ему доверяли «каталы». (Вам знакомо это слово? Катала – это карточный игрок высокого пошиба. Своего рода ас. Многие из них ничего общего с шулерами не имеют. Игра шулера строится исключительно на обмане, на ловких махинациях с картами. Профессия каталы – это настоя-

щее искусство, когда голова работает на манер компьютера. Если новичок или слабый игрок действует «втёмную», то карты партнёра для каталы не составляют большого секрета. Он их попросту «вычисляет»).

Мальчишке поручали высматривать в ресторане людей побогаче: заезжих цеховиков, барменов, кладовщиков... Потом в охоту включались люди посерьезнее, «случайно» знакомились, входили в доверие, приглашали в весёлую компанию на «день рождения»...

Выпивка, красивые девушки, обаятельно и обещающе улыбающиеся, а в сторонке разгорались карточные страсти, где один из новых друзей приглашённого, якобы новичок в картах, выигрывал и выигрывал... Ну как тут не рискнуть? В конце концов и курортник включался в игру «по маленькой». Сначала ему тоже безумно везло... Ставки поднимали по мере выпитого, и вскоре гость оказывался должен очень крупную сумму.

За оказанные услуги Артём получал свою долю выигрыша. Он и сам уже пробовал силы в игре. Но не в Кисловодске. Ездил летом отдыхать в Ялту, в Одессу. Было и там у кого поучиться. Однажды удалось присутствовать во время события неординарного: известный фокусник Амаяк Акопян, захотевший посмотреть, как играют шулеры, проиграл три тысячи долларов известному катале Гене Ялтинскому...

Способности к языкам – вот капитал!

Иметь секреты в маленьком Кисловодске – дело трудное. Дядька, трудяга-повар, не раз ругал за увлечение картами. Он уверял, что разумные люди гонятся не за тем, что выгодно и приятно, а за тем, что избавляет от неприятностей. Артём слушал вполуха, он давно уже понял, что карты не будут главным делом его жизни. Это понимание возникло после нескольких бесед с дядькиным добрым знакомым, земляком Отари Михайловича, шеф-повара «Зари», вальяжным боссом из ЦК партии, которого Артём уже много лет называл «дядя Шота». Тот частенько навещал ресторан, когда отдыхал в Кисловодске. Однажды, было это как раз перед выпускным вечером в школе, он с удовольствием велеречиво излагал по-грузински:

– Учись думать, сынок! Это главное искусство. Мой опыт, да и не только мой, показывает, что делают это только двое из ста, трое-четверо думают, что они думают, пережёвывая чужие мысли, а остальные девятьюстами с лишним людей даже ленятся пошевелить своими извилинами.

– Дядя Шота, но ваш великий тёзка говорил: «Если действовать не будешь, ни к чему ума палата».

– Верно, мой мальчик. Я рад, что ты читал Руставели. К этим словам его могу добавить ещё одну мудрость, высказал её Джордж Бернارد Шоу. Он считал, что воображение – это начало созидания. Ты воображаешь то, что хочешь, потом желаешь то, что воображаешь, и, наконец, ты создаёшь то, что желаешь.

– Я знаю эти слова. – И повторил по-английски: – Imagination is the beginning of the creation. You are imagining what you want; you want what you imagine; and at last you create what you want.

– Вах, геноцвале! Кроме русского, грузинского и армянского, ты говоришь и по-английски!

– Да, Нонна Андреевна, моя учительница, хвалит в последнее время.

– Парень, у тебя явные способности к языкам. Мой тебе совет: займись ещё немецким и французским. И всего через несколько лет ты поймешь, какой капитал у тебя в руках. А уж тогда начинай мечтать по-крупному...

Несколько лет— это так далеко. Сколько ещё будет поворотов в судьбе. И первый уже близко.

Случайность? 1979 год

Тёмка был жаворонком, с очень раннего утра заряжен энергией от пяток до макушки. И во второй половине лета, когда в ущельях, на склонах ближайших гор появлялись шампиньоны, он буквально убежал (не любил медленную ходьбу) на ближайшую окраину города, где разрастался дачный посёлок имени Луначарского. Там паслись коровы, овцы, ещё не изгнанные городским наступлением. Значит, питание для будущих грибов было обеспечено. И на зелёном ковре трав можно было углядеть довольно большие круги: почему-то именно по кругу располагались шампиньонные семейства.

На этот раз удача как-будто отвернулась от охотника. Он уже обыскал большущий склон, нашёл всего три неприглядных грибка. Присел отдохнуть за большим валуном, который, видно, лежал здесь не один век. На нём были выцарапаны русскими буквами чьи-то имена, и какие-то неизвестные ему закорючки. Нет, это не грузинский и не армянский язык... Достал из сумки бутылку нарзана, сделал несколько глотков, закусил яблоком.

Вдруг откуда-то сверху послышался шум: сначала аханье, уханье, потом что-то тяжёлое завертелось, падая по склону, ударяясь о камни и поворачиваясь. Затихло. Через минуту раздался топот чьих-то ног, несколько резких выкриков, глухой звук ударов, падения, стон. Кряхтенье...

Артём растерялся. Подростку еще не приходилось попадать в подобные ситуации. Драка? Убийство? Вмешаться? «Не зная броду, не суйся в воду», – промелькнула пословица. Ненужного свидетеля тоже могут убить... А если человек только ранен и ему нужна помощь?

Пока раздумывал – всё затихло. Осторожно выглянул из-за богатыря-камня. Трава мешала что-либо разглядеть. Подполз ближе. По тропке к лесу удалялся богатырь-человек, неся что-то вроде ковра на плечах. «Значит, не убил, несёт куда-то на разборки», – решил Артём облегчённо. Потом сам себя поправил: «Гресишь, боишься? А если убил и хочет спрятать?». Самая трудная борьба – с самим собой. Так что же делать? Может быть, проследить, куда этот верзила отправился?

Пока Артём раздумывал, раздался звук включённого двигателя и машина, полускрытая за деревьями, нырнула по другую сторону склона, там была дорога. «Теперь уже не проследишь», – как-то неловко, сам себя стесняясь, подумал Тёмка.

Он осмотрелся вокруг. Повсюду были свежие следы гусениц бульдозера. Что мог делать здесь ночью этот работяга? Чуть ниже холма, на котором стоял Артём, виднелась свежая насыпь. Скорее всего, бульдозер здесь что-то закапывал. Подойдя ближе, парень увидел кое-где сломанные деревянные конструкции, плохо присыпанные землёй со склона.

Кажется, здесь строили дачу, вспомнил Тёмка. В это время хлопнула дверь соседнего домика, оттуда вышел, пошатываясь, Максимыч. Так все звали сторожа дачного хозяйства «Дружба», бывшего геолога, серьёзно заболевшего, приехавшего доживать свой век в давно покинутые родные края, где не осталось никого из родственников. Был он всегда полупьяным, весёлым, добрым. Соседи его часто угощали, приносил и Артём иногда что-то вкусненькое со своей кухни. Любил он послушать байки старого бродяги, исколесившего Приуралье в поисках золота, нефти.

Подойти к нему? Да ведь пьян, спал беспробудно. Что он может знать? Тут со стороны дороги вновь послышался шум мотора. Артём предпочёл вернуться под защиту валуна. Подъехал самосвал, вывалил какой-то щебень, смешанный с песком, прикрывая торчащие деревьяшки.

– Пора сматываться, – понял несчастливый грибник. – Здесь уже всё равно ничего не узнаешь. Зайду к Максимычу попозже, пусть протрезвеет. – Побегал вниз по склону. Метрах в тридцати усмотрел в траве какой-то предмет, вспомнил о том попрыгунчике, который

первым нарушил утреннюю тишину. Подошёл ближе, среди груды камней, окружённых крапивой и ромашками, лежал небольшой чемоданчик, чуть поцарапанный после своих нелепых прыжков.

«Взять чужое – всё равно что украсть», – пришло в голову парню наставление его любимой тётушки, православной до мозга костей, как утверждал её муж. Тётушка постоянно читала церковные книги, учила Артёма молиться, но через несколько лет борьбы со школьными педагогами, поняла, что проиграла. Да и мясо, которое мужчины приворачивали на ресторанной кухне, предпочитала принимать молча, не вдаваясь в диспуты.

Взять, не брать? Если бы явился хозяин и доказал своё право на владение этим чемоданом, тогда можно его отдать. А так: найдёт кто-то другой – заберёт себе. Но я же первый! Как в детской игралочке: чур, моё. Мысли прыгали, перекликались, путались... Но ведь можно попытаться отыскать владельца, кинувшего чемодан. А если кинул не хозяин? И почему не взять чемодан, если я спокойно брал не всегда честно выигранные в карты деньги?

Тёмка решительно вытащил чемоданчик из зарослей. Открыть его не смог. Ключа-то нет. И сломать его не удастся, очень прочный кейс.

В конце-концов пришла в голову и вполне разумная мысль: если там что-то ценное, то его скоро начнут искать. А куда я его дену? Домой не принесёшь. Не только потому, что негде спрятать: домашняя артель знает каждую щель, каждую мышиную нору. Кроме того, это же опасно. Найдут малолетки, растрезвонят, бедой может обернуться. Вспомнил поговорку шеф-повара: «Постоянно держи руку на пульсе времени, но никогда не оставляй отпечатков».

Так где же спрятать, пока не придумаю, как открыть? Попробовал пока всунуть кейс в свою сумку, тот вошёл впритык. Уже легче. Огляделся. Пусто кругом. Спустился к дороге. Направо пойдёшь, – поплутав, к ресторану «Замок» выйдешь, налево – в город попадёшь. Пойду прямо-напролом.

Полез на противоположный холм, туда, где виднелись деревья. Добрался до березовой рощицы. Походил-походил, нашёл переплетение старых корней, углядел, куда можно засунуть кейс и прикрыть его незаметно камнями. Запоминать место не составило труда. Дерево было самым высоким, самым мощным в округе.

На пороге перемен

О будущей жизни пришлось задуматься несколько раньше. – Ну, и куда ты теперь, Артём? – спросила на выпускном вечере его любимая учительница Нонна Андреевна.

– Поедешь в Москву или будешь поступать в Пятигорске?

– Я буду работать и учиться заочно, – буркнул он, понимая, что не такого ответа ждала от него преподавательница... Она считала его лучшим своим учеником, и думала, что языкознание станет его профессией. Но Артём был уже заражён другим вирусом: в компаниях катал и цеховиков его обдувало вольным ветром предпринимательства и различных афёр. А совет уважаемого дяди Шоты заняться изучением языков витал где-то в параллельном пространстве.

Пошёл как-то вечером в гости к Мишке Шустеру из соседнего класса. На улице Урицкого столпотворение: вся она запружена мосфильмовскими автобусами с оборудованием, рядом полно зевак. Шум, гам, беготня, кого-то ищут, зовут какого-то Георгия Буркова. О! Это же артист известный, подсказывает сосед по толпе. Оказывается снимают фильм «Добряки». Кажется, это был дебют сейчас хорошо известного режиссёра Карена Шахназарова про профессионального авантюриста Георгия Кабачкова, который в некоем институте Античной культуры обводит вокруг пальца добряков-членов учёного совета. Защищает диссертацию, а потом сам становится директором.

Потом, просмотрев этот фильм, Артём решил: «Нет, этот авантюрист слишком прост, он не может стать успешным».

Укрепиться в этом мнении поспособствовала и Нонна Андреевна. В одном из журналов на английском языке, которые она приносила в школу, он упоённо читал рассказы о мошенниках. А потом с увлечением рассказывал в бильярдной нескольким приятелям:

– Был такой Виктор Люстиг! Чешский эмигрант во Франции. Талантище! Владел пятью языками, выдумал десятки способов обмана доверчивых людей. Самую грандиозную аферу провернул в Париже: сумел дважды продать Эйфелеву башню!!!

– Привираешь? – Недоверчиво рассмеялся Марат. – Это тебе не самогонку крашеную вместо коньяка загнать. Неужели нашлись лохи? – Марат был старше лет на 10, опытнее, уже работал шеф-поваром в ресторане, и с Артёмом разговаривал немного снисходительно.

– Дослушай. В 1925 году он прочёл в одной из французских газет, что знаменитая башня – символ Парижа, порядком обветшала и нуждается в ремонте. Люстиг подделал верительную грамоту, назвал себя заместителем главы Министерства почты и телеграфа. А потом разослал официальные письма богатым предпринимателям. – Артём выдержал большую паузу, восторженно вздохнул и продолжил, говоря всё быстрее.

– Он пригласил бизнесменов в дорогой отель, где остановился. И рассказал им, что расходы на башню неоправданно огромны, поэтому правительство решило снести её и продать на металлолом. Причём аукцион провести закрытым. Люстиг уговорил дельцов держать всё в секрете, чтобы не вызвать возмущение общественности, успевшей полюбить башню.

– И они купились? —Тоже восторженно спросил Марат.

– Особенно заинтересовался этим предложением металлургический промышленник Андре Пуассон. Его воодушевляла не только очевидная финансовая выгода от сделки, но и возможность войти в историю. Проницательный Люстиг заметил этот тщеславный интерес. Вскоре именно мсье Пуассону была назначена конфиденциальная встреча. Во время этой встречи Виктор Люстиг держался несколько беспокойно. Он сказал Пуассону, что у того есть все шансы выиграть тендер, и для полной победы нужно лишь немного «продвинуть» свою кандидатуру при помощи небольшого вознаграждения...

– Лично Виктору? – включился в увлекательную игру Марат, настроившийся на волну приключений.

– До этого разговора, – продолжил Артём, – у мсье Пуассона возникали подозрения: почему все встречи, связанные с тендером, происходят в такой секретной обстановке, да ещё не в кабинетах министерства, а в номере отеля. Но подобное вымогательство со стороны чиновника, как ни странно, развеяло последние сомнения Пуассона относительно подозрительной сделки.

– И заплатил? Ведь разумный, как справедливо говорит твой дядька, гонится не за тем, что выгодно и приятно, а за тем, что позволяет избежать неприятностей, – вставил реплику Мишка Шустеров, школьный приятель Артёма по прозвищу Страховщик.

– Он отсчитал несколько крупных купюр и уговорил Люстига взять их, потом выписал чек на четверть миллиона франков, получил документы на Эйфелеву башню и отбыл довольный. Когда Пуассон начал подозревать неладное, Люстиг уже скрылся в Вене с чемоданом наличных денег, полученных по выписанному им чеку.

– Тут на куске мяса да на масле копейки собираешь, а этот Виктор рискнул и не подавился.

– Но это ещё не всё, – буквально смаковал каждое слово Артём. – Пуассон, не желавший выглядеть дураком, смирился с потерей, скрыл факт обмана. Поняв это, Люстиг чуть позже вернулся в Париж. И ещё раз продал Эйфелеву башню по той же схеме за 75 тысяч долларов! Но это уже был явный перебор. И на этот раз ему не повезло, поскольку обманутый бизнесмен заявил в полицию. Люстиг был вынужден срочно бежать в США.

– Ну, в Кисловодске и башни такой нет, и желающих купить что-то подобное не найдётся, – комментировал Марат.

– Важна суть! Это пример великолепного блефа! Даже в картах такого не бывало, – со знанием дела задумчиво ответил Тёмка. – Чтобы додуматься до такой аферы, нужно как-то пере-страивать свои мозги.

– О-о-о, парнишка, ты быстро взрослеешь. – Отреагировал на последнюю фразу Марат. – Думающий повар! Это не только звучит хорошо, это много обещает... Пойдёшь ко мне на кухню работать? – Неожиданно закончил он.

Артём знал, что Марат совсем недавно стал шефом в ресторане при новом пансионате в Теберде, городе-курорте, расположенном километрах в 15 от знаменитого горнолыжного центра Домбая. Но это заманчивое предложение он не мог принять.

– Я ведь думаю поступать в Пятигорский пединститут. Правда, на заочное отделение. Но всё равно ездить из Теберды в Пятигорск далековато.

– Ладно. А когда экзамен? Через 10 дней? Поедем тогда всего на недельку. Ты ведь английский знаешь, сдашь успешно. Я слышал, как ты в «Заре», когда там праздновали Новый год, пел что-то из Битлов. Поедем! Мне срочно нужен хороший повар, через два дня состоится ужин, на котором будет отмечаться открытие пансионата. Публика будет виповская, знатные кисловодчане и партийные боссы. Вот вместе и подумаем, чем гостей удивить и порадовать. Может, и spoёшь для них.

Артём решил согласиться. Он никогда не упускал возможности познакомиться с теми, кто считает себя вершителем судеб. И не прогадал!

Заманчивое предложение

Среди высоких гостей этой чисто мужской компании оказалось много знакомых: Борис Михайлович Нугзаров, руководитель очень успешного треста «Кававтострой», получившего недавно медаль на ВДНХ, его сотрудники Хоматхоев, Адельханов (они-то и контролировали строительство этого пансионата), был здесь известный врач Иракий Давидович Топурия, возглавлявший Северокавказское зональное управление спецсанаториями Минздрава СССР, ему подчинялись курорты Кисловодска и Теберды... Тёмке показалось, что он очень похож на известного грузинского артиста, режиссёра и футбольного комментатора Котэ Махарадзе. Если не манерами, то уж разговорным талантом. Топурия, как старший в компании, стал тамадой.

Он был настоящий мастер застольных праздников, вёл стол мудро, с соблюдением всех кавказских обычаев и традиций. Марат с Артёмом иногда выходили в зал, спрашивали гостей, чем ещё их порадовать. Рассматривали незнакомых. Рядом с тамадой сидел неприметный с виду парень. Но ведь его сюда пригласили, значит, кто-то известный...

В конце застолья он попросил у тамады слово. Когда гость заговорил, Артёма будто током ударило: это же голос Владимира Высоцкого! Так вот он какой. Видеть человека, песни которого звучали повсюду, ему не доводилось. На телевидении Высоцкого не жаловали, а в Москву Артём еще не ездил, и в театр на Таганке не ходил.

Сказал Владимир всего несколько предложений о том, что бывал во многих-многих компаниях, но впервые никто к нему не обратился с просьбой спеть. Такое уважение дорого стоит. И поэтому вместо тоста он подарит песню. И запел:

Почему всё не так?
Вроде – всё, как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя...

Не сговариваясь, мужчины встали, и так слушали песню до конца. Оглушающая тишина и слёзы на многих лицах были лучшей благодарностью. Молча выпили водки – как пьют на войне солдатские «сто граммов». Высоцкий снова запел: «Мы вращаем Землю». И эту песню слушали стоя.

От границы мы Землю вращали назад —
Было дело сначала, —
Но обратно её закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала...

Так что самому Артёму петь не пришлось... Но не это знакомство было знаковым для его судьбы. А слова об Урале... На следующее утро он познакомился с человеком, который привёз Высоцкого в Теберду. Ему Высоцкий посвятил песню – «Был побег на рыбок – наглый, глупый, дневной». Но узнал об этом Артём гораздо позже.

Утром следующего дня Артём поджидал во дворе машину с продуктами, которая должна была вот-вот подъехать.

– Мальчик, тебя, кажется, кличут Артёмом, это ты готовил вчера киевские котлеты? – спросил, подойдя, мужчина лет пятидесяти, лысоватый, с очень мудрыми глазами повидавшего многое в жизни. – Артём кивнул, смущаясь.

– Меня зовут Вадим Иванович. – Ну, присядем на минутку, – указал старший на лавочку. — Давно на кухне? – продолжал он без перерыва. — Услышав ответ, что помогал своему дядьке, известному в Кисловодске повару, с десяти лет, улыбнулся.

– Уже стаж! – Подмигнул. — Я поговорил с Маратом, хвалит он тебя. Рассказал, что ты еще и поёшь хорошо, языки разные знаешь. Но здесь ты много не заработаешь. Ну, рублей 150 в месяц, если повезёт. А хочешь получать приличную зарплату? Сорок рублей в день! И землю нашу посмотреть... Ведь ты дальше Кавминвод, конечно, не уезжал. Но артель моя далековато. Называется «Печора». Это за Уралом, в Республике Коми, Интинский район. Слышал? – Артём кивнул. – Мы добываем золото. И хорошим людям хорошо платим. А ты мне можешь пригодиться и как переводчик...

Артём растерялся. Он умел быстро принимать решения, играя в карты, на бильярде, в споре с ровесниками, цена такого решения была не особенно велика. Да и действовал он на вдоль и поперёк знакомой ему территории. Здесь же предстояло решиться на довольно крутой поворот в судьбе.

– Знаете, Вадим Иванович, – медленно проговорил он, подыскивая нужные слова, – я должен посоветоваться в семье. Согласится ли дядя? Он мне отца заменил. И мне через неделю ещё поступать в институт на вечернее отделение.

– Разумно, – ответил Туманов. Он что-то написал на листке из блокнота и протянул парню. – Это мой адрес, надумаешь – пиши.

А думать Артёму было о чём. Ведь он так и не решил, что делать со спрятанным кейсом.

Сомнения

Через несколько дней Тёмка вернулся в Кисловодск. Рассказал дядьке о предложении Туманова.

– Синица в руках всегда полезнее, чем что-то многообещающее, но очень далёкое. Да и опасное, – задумчиво протянул старый армянин. – А здесь не опасно? – подумал Артём, но не стал спорить.

Утром, как всегда, вскочил очень рано. Запасся инструментом и почти побежал к заветной берёзе. Благо, от армянского посёлка до березовой рощицы возле дачных домиков всего-то километра три. Долго возился, пока сломал замок. Открыл кейс. Достал пачку, упакованную в целлофановый пакет.

Деньги! Нервничая, пересчитал: 10 тысяч рублей. На «Волгу» хватит и ещё останется. И всё-таки расстроился. Всего-то! Потом рассмеялся: подпольного миллионера из меня не вышло! Ну, и куда их теперь? Вспомнилась пословица: умный деньгам хозяин, а глупый – слуга. Начни тратить эти рубли в тот же день полгорода узнает, начнут обсуждать. Отдать дядьке – придётся всё ему рассказывать. А вдруг Акоп проговорится? А вдруг это опасно?

Остальное место в кейсе занимали какие-то схемы, банковские бумаги, в которых Тёмка, конечно, не разбирался. С кем посоветоваться? И можно ли? Эти сомнения склоняли Артёма к поездке на прииск.

«Заработаю там прилично, тогда и можно будет начать использовать этот чемоданчик. Не будет лишних подозрений. А пока пусть тут и полежит», – решил Артём. Он старательно упаковал кейс в прихваченные из дома куски рубероида, чтобы не повредила вода, если сюда случайно доберётся, запрессовал отверстие между корнями глиной, аккуратно прикрыл камнями. Оглядел: нет, не заметно, что это дело человеческих рук.

На всякий случай решил зайти к Максимычу. Может, старый пьяница что-то подскажет? Но соседи рассказали, что сторож куда-то внезапно уехал...

Вечером, как обычно, пошёл в бильярдную. Там было неожиданно пусто. Только у окна сидел Миша-однорукий. Скучал.

– Дядя Миша, с приездом! Где гастролировал? Теперь тебя все боятся после того, как обыграл в финале чемпиона Москвы Ашота Потикяна. Это ведь практически был чемпионат страны по «Русской пирамиде»?

– Неофициальный. Но хоть такой не запретили. Может, дождёмся и официальных. А я приболел, Тёмка. Отдыхал в Сочи.

– Так я и поверил. Не темни.

– Да ведь это тебя Темнилой зовут, а не меня. Правда, не играл я в Сочи по-серьёзному. Позагорал, слегка в картишки перекинулся с лохами... По маленькой. А ты уже аттестат получил? Мне училка твоя, Нонна, тебя хвалила. Куда метишь теперь?

– Хотел, было, поступать в Пятигорский пединститут, а теперь вот неожиданное предложение обдумываю.

– Знаешь, я даже не спрошу, что за предложение. Ты лучше скажи, от кого оно, тогда и можно думать.

– С золотодобытчиком Тумановым в Теберде познакомился. Предлагает поработать поваром в артели «Печора»...

– Вадим предложил? — Удивился Шахназаров. – А где ты его видел? – Артём рассказал. – И ты ещё раздумываешь? К нему конкурс больше, чем в московский университет.

– Да ведь я ничего о нём не знаю.

– О нём коротко не расскажешь. Бывший колымский зэк, ставший миллионером. Если меня сажали за игру, то его просто за драку и по подозрениям разным. Антисоветчик, пони-

маешь! Есенина читает!... Однорукий ухмыльнулся, помолчал. Потом продолжил: – Был он штурманом на сухогрузе. Кажется, в 1948 году в Таллине моряки подрались, и Туманов мощно зацепил какого-то высокопоставленного чина, случайно попавшего в бар. Посадили! – Миша помолчал, вспоминая.

– Восемь побегов! Весь изломан, перебит. Как выжил? Кремень-человек. Его бы, конечно, сгноили, если бы созданные им артели не сдавали в казну золота в три-четыре-пять раз больше государственных предприятий. Причём, это золото – чистейшее. Его не ювелирам отдавали, а в государственное хранилище. Эти районы – наш «Клондайк»! После смерти Сталина дело Туманова было пересмотрено, Вадима полностью реабилитировали. Основанием для этого были совершенно немыслимые рекорды его артели.

Говорят, что всего созданные Тумановым артели вместе с дочерними предприятиями добыли свыше 400 тонн золота. А сколько бывших эков стали с ним вместе уважаемыми людьми!

– Дядя Миша, а что-нибудь об условиях тамошних ты знаешь?

– Балакал я недавно с одним старым приятелем, сидели с ним на Сахалине. Он сейчас бульдозеристом в «Печоре». Это новая артель Туманова. Вкалывает по 12 часов в день. Зато заколачивает в месяц больше тысячи. Живут не в палатках, в добротном доме, есть сауна, кормят хорошо. Сухой закон свято соблюдается. Нарушителей Вадим выгоняет мгновенно...

Тут стукнула открывающаяся дверь. В бильярдную вошёл высокий статный грузин с сумкой в руке, он обаятельно улыбался.

– Гамарджобо, генацвале!

Артём радостно откликнулся: – Гамарджобо!

А Шахназаров, усмехнувшись, задумчиво произнес: – Странные вы люди, грузины. Объясни, Леван, мне – армянину, немного понимающему ваш язык, что значит ваше приветствие. Ведь оно никак не переводится, насколько я знаю.

Леван смущенно молчал, обдумывая услышанное. Это приветствие давно стало привычным даже для русскоязычного населения. И человеку, не занимающемуся лингвистикой, никогда не приходило в голову задуматься о его смысловом значении.

Выручил Тёмка.

– Дядя Леван, разреши мне-полугрузину, ответить любопытному армянину, полушутливо, полууважительно вступил он в разговор старших.

Леван развёл руками: ну, мол, если ты такой умный – валяй!

– Просто мне интересно всё, что касается происхождения слов. Языки учу охотно. Расскажу легенду, которую услышал от Шоты, известного вам друга Отари. Он ведь очень образованный человек, других в ЦК не держат.

Дело было так: возвращался с войны с Персией царь Грузии. Встретил группу крестьян, и на их немой вопрос ответил: «Гамарджвеба»! Вы знаете, что это означает «победа» или приближенно – «правое дело». Почему это слово так трансформировалось – я объяснений пока не нашёл. Точно так же дело обстоит и со словом «генацвале». Привычно переводим самыми разными способами: сударь, товарищ, друг, уважаемый человек. А вот прямого перевода тоже не знаю. Некоторые утверждают, что, «гамарджоба, генацвале» предки наши трактовали как «победы твоей душе». Русские при первом обращении желают здоровья, а грузины – победы. Вот такие пироги, – смущенно закончил свой урок Тёмка.

– Ладно, спасибо, дружище, за интересное сообщение. И извини, нам с Мишей поговорить нужно. А ты, кстати, не торопиться? Нет? Тогда, будь добр, отнеси Шустерову... Ты, ведь, учишься в одной школе с его сыном. Знаешь, где живёт доктор? Это ему просили передать, – он подмигнул и протянул парню сумку с продуктами. Если спросит от кого, скажи, что от благодарного пациента. А потом добавь, что завтра я не смогу прийти, деловая встреча...

Таинственная новость

Эта просьба одного из его карточных учителей показалась Артёму почётным поручением. Он бывал в этом доме на улице Володарского в ста метрах от знаменитой Каскадной лестницы. И, конечно, рад был снова пообщаться с замечательным доктором, одним из лучших в городе иглотерапевтов. Минут через пятнадцать, когда он уже подходил к привлекательному одноэтажному кирпичному дому, где проживали всего три семьи, навстречу вышел старший сын доктора. Он учился в девятом классе, а встречались они чаще всего на спортивной площадке в курортном парке, называлась она песчанкой.

– Ты к нам? – удивился Мишка.

– Мне нужно папе твоему кое-что передать.

– Заходи. Но он, правда, сейчас немного занят. Какие-то переговоры с Йоником. Знаешь папиного двоюродного брата?

Артём, конечно, знал его, одного из кисловодских цеховиков, спортивные трикотажные костюмы маленькой фабрички, работавшей в три смены (третья – подпольная), пользовались большим спросом.

– Я подожду...

– Тогда я тебя чайком угощу. «Три слона» недавно подарили. – Михаил сходил на кухню, вернулся с двумя чашками на подносе, конфетами и печеньем.

Устроившись за столом возле окна уютной комнаты, Артём огляделся. Удивился: в уголке примостился мольберт. Неподалеку на журнальном столике лежал раскрытый альбом, Тёмка рассмотрел фотографию какого-то молоденького моряка. Миша перехватил его взгляд.

– Это папа, здесь ему семнадцать. Он во время войны с фашистами мальчишкой попал на флот. А сейчас уже выходит на пенсию, краски купил, картины писать пробует, стихами увлекается. Он у нас на все руки мастер. – Пили чай, Миша рассказывал об отце с удовольствием. – Недавно радиоприемник собрал... Какой-то особенный, чтобы «Голос Америки» ловить. Недавно и я послушал, рассказали, что Горбачёву в Москве на улице Щусева выделили шестикомнатную квартиру на двоих с женой, да ещё дочке его Ирине с мужем – трехкомнатную. А отделявали эти комнаты и обустраивали, кстати, наши кисловодские мастера с мебельной фабрики...

Артём ответил, что уже слышал об этом, ему рассказывал Шараман, он когда-то работал на мебельной фабрике, там у него много друзей. Ребята посмеялись: шила в мешке не утаишь...

Вскоре из соседней комнаты послышался скрип, потом жужжание, неясные голоса. Потом звук стал громче, чётче. «Леонид Брежнев встретился в Вене с президентом США Джимми Картером, чтобы подписать Договор об ограничении стратегических вооружений. Две политические системы, чтобы предотвратить всякие неожиданности, пытаются найти точки соприкосновения, идут на компромисс», – услышали парни. Потом наступило молчание. Приёмник выключили.

Распахнулась дверь и в комнату вошли два мужчины.

– О, Артём, привет! Просто вкусным-вкусным чаем аттестат мы обмываем? Или лучше сказать – отмечаем! Это я в стихосложении тренируюсь, – посмеиваясь, быстро подошел и пожал руку первый. Второй молча поклонился и присел в кресло возле стены. – Что за попутный ветер направил тебя в наш дом? – продолжал бывший моряк и сейчас не снявший тельняшку, плотно облежавшую крепкую грудь..

– Здравствуйте, дядя Павел! Вам кое что просили передать, – протянул Артём пакет с продуктами.

– А-а, это наверняка от Пармена. Был он у меня вчера. Значит, полегчало деду. Ну, спасибо и ему и тебе.

– И еще: сын его, Леван Парменович просил сказать, что завтра зайти не сможет: у него какая-то длинная деловая встреча! – Артём торопливо откланялся и направился к выходу.

– Ты куда-то торопишься?

– У меня ещё одно поручение от Левана.

Опять чьи-то дела улаживает уважаемый человек... Его ведь называют мерилom справедливости в определённых кругах.

– Нет, Павел, – внезапно вступил в разговор его брат. – Тут, пожалуй, продолжение серьёзного разговора. За несколько последних дней в город приехало слишком много моих старых знакомых. Да ещё из Баку, из Тбилиси внезапно звонили весомые ребята, просили гостиницу заказать, – услышал, закрывая двери, Артём.

А торопился он снова в бильярдную: предстояло выяснить, о чём это секретном говорили Леван с Мишей-одноруким. Не связано ли это с появлением в Кисловодске группы цеховиков, о чём обмолвился хозяин трикотажного цеха?

Лучше, пожалуй, уехать

Нет, у старших приятелей был другой разговор. В городе прошёл слухок, что неделю назад Лёвка Казак, начальник транспортного предприятия, помог председателю народного контроля спрятать концы в воду. В одну ночь они сломали и зарыли в яму недостроенную дачу. Кто-то собирает компромат на зарвавшегося чиновника. Всё строилось без документов, разрешения не было, участок земли относился к лесному хозяйству. А сегодня Лёвку нашли на автобусной остановке возле рынка без сознания, увезли в больницу. Правда, говорят, что у него давно побаливает сердце.

Эти сведения снова включили Тёмкин мыслительный компьютер. Случайность, совпадение или на Казака уже охотятся? А где же те двое, которых он видел возле закопанной дачи? Может, Казак – один из них? Тогда, кто второй?

Дядька вернулся домой поздно. Попили чаю, он рассказал, что снова в «Зарю» заходил Васенькин. «Ну, тот журналист, что с Каневским проверку у нас учудил, ты помнишь. На сей раз с каким-то молоденьким пареньком. Просто ужинали, встречу отмечали. Подозвали меня, благодарили за фаршированную шейку.

Младший, Николаем его зовут, приехал отметить со своим учителем, как он называл Васенькина, диплом об окончании факультета журналистики МГУ. Оказывается, первые свои заметки в «Кавказской здравнице» он и писал под руководством Вениамина.

Артём спросил, не слышал ли каких-то толков о Лёвке Казаке. И дядька, усмехнувшись, продолжал:

– Так я же о том и начал говорить, да ты перебил. Это они и отправили Лёвку в больницу. Ведь Васенькин и Казак живут в соседних домах, дружат семьями... В последнее время пил Лёвка много. Познакомился с каким-то генералом, вроде начальником алмазного фонда страны, устраивал для него поездки на шашлыки. А сердечко-то у него шалило...

– А про дачу закопанную ничего не говорили?

– Ездили они туда, ведь журналисты, им только подай жареное. Нет, ничего особенного не говорили. Удивлялись чиновничьей наглости...

Эти разговоры всё больше склоняли Тёмку к целесообразности уехать на прииски в ближайшее время.

Цеховики и воры договариваются. 1979 год

Узнал Артём о действительно важном событии не только для города, но и для всей страны, лишь через несколько дней. Пригласили в воскресенье заменить заболевшего певца, выступить в ресторане «Замок». Расположено это очень популярное заведение в красивом ущелье на окраине Кисловодска рядом со скалой, которую называют «Замок коварства и любви».

Сочинили о ней красивую легенду. Её экскурсоводы рассказывают многочисленным курортникам, приезжающим полюбоваться этим прекрасным местом на берегу реки Аликоновки. Вот и Артёму в этот раз пришлось не только петь, но и по просьбе подвыпившей компании со сцены порадовать приезжих, художественно воспроизводя события давних лет.

– Когда-то давно жил здесь богатый и жестокий князь, – привычно начал Артём, поглядывая на статного пожилого грузина, сунувшего ему в карман после исполнения «Сулико» какие-то деньги. – Сердце его было подобно куску ржавого железа. Не знал он любви и жалости ни к далеким, ни к близким. Только единственную дочь свою, Дауту, князь любил и лелеял. Любил, но берег от чужого глаза и держал взаперти. В своих детских играх Даута знала лишь одного мальчугана – Али, сына старого чабана Конова... – Артём нарочно затянул паузу.

Застольная компания слушала вполуха, начали переговариваться между собой. Грузин, видно старший в компании, приподнялся и оглядел стол. Тотчас стало тихо. Улыбнувшись, Тёмка продолжил рассказ о том, как выросшие дети полюбили друг друга. Но князь решил выдать дочь за богатого и знатного жениха. Влюбленные встретились на скале и решили: смерть лучше разлуки... Артём рассказывал вдохновенно, выразительно, буквально превращаясь то в пастуха Али, то в его любимую...

– На краю отвесной скалы, взглянув в последний раз в светлые очи любимой, юноша крикнул: «Прощай! Умирать с любимой не страшно!». И прыгнул вниз, в пропасть...

– Слушай, дорогой, дальше не надо! – поднялся со стула странный грузин. – Извините меня, люди добрые...

Он подошёл к сцене, взял Артёма за руку и попросил: – Пойдем, поговорить надо... – Они вышли на балкон. – Меня зовут Илларион, про тебя я всё знаю, вырос ты без родителей, воспитывал тебя дядька. Слушал я, как ты поёшь, видел в Сочи, как ты играешь в карты, в бильярд, разговаривал кое с кем. Захотелось познакомиться поближе. Не удивляйся. Дело в том, что ты очень, очень похож на моего старого друга, который погиб несколько лет назад.

Артём тревожно вздохнул. В душе что-то шевельнулось никогда не испытанное. О чём это он говорит, о ком?

– Я не уверен, Гайчика ли ты сын, у тебя, к сожалению, другое отчество. Почему-то Георгиевич. Но ведь дядька не знал твоего отца, я у него как-то спрашивал. Он мог и перепутать. Мне хотелось бы думать, что всё-таки ты сын моего друга. Понравился ты мне. – Он подошел к Артёму, положил ему руки на плечи. – Сыновей у меня нет, жена в лучшем из миров, а дочка вышла замуж аж в Австралию, – с горечью прибавил. – Поладим, будешь мне за сына.

– Диди мадлоба, уважаемый Илларион, – поблагодарил растроганно Артём по-грузински. И они начали разговаривать на языке предков. Артём очень хотел узнать что-нибудь о своём предполагаемом отце. Илларион рассказал, что был Гайк артистом драматического театра, увлекался стихами, сильный, ловкий, любил горы, походы, скалолазание. Однажды вместе с женой упали со скалы, она погибла, а он разбился, повредил позвоночник, сломал несколько ребёр, сильно хромал, долго лечился, из театра пришлось уйти.

– Вот почему Илларион не дал мне закончить легенду! – догадался Артём. – Чуткая душа.

– Помог я ему устроиться в одну охранную компанию, – задумчиво продолжил Илларион, – выполнял он отдельные особые поручения своего шефа, который, по моим сведениям, занимался ещё и драгоценными металлами. Видно, помогал я напрасно. – Помолчал, расстроенно покачивая головой. – Теперь на мне и висит тяжелый камень – говорят, что погиб он. Но тела я не видел. – Долго молчали оба. Потом Артём все-таки спросил: – А семья, где живет?

– Дальние какие-то родственники жили в Дилижане. Там мы с Гайком лет пятнадцать-шестнадцать назад гуляли на одной свадьбе. Кстати, с ним была подружка из Кисловодска. Но я её не запомнил...

– Дядька говорил, что мой отец, вероятно, был грузином.

– Сынок, мало ли у нас полукровок! Мать у Гайка была грузинкой, отец – армянин, знал Гайк оба языка, как и ты. Детство провёл он в Калуге, там они с братом еще увлеклись почему-то польским языком, общаясь с каким-то шляхтичем. А потом он учился в Тбилисском театральном институте им. Ш.Руставели, где преобладали грузины, вот и привыкли считать его грузином...

Только правильно выбери цель

Из ресторана они вскоре ушли. Илларион подвёл Артёма к чёрной «Волге», оттуда тотчас вышел водитель, открыл двери. – Поедем ко мне в номер, – полупредложил-полуприказал новый знакомый. Подъехали к санаторию имени Орджоникидзе. Здесь Артёму еще не доводилось бывать. Огромный номер поразил парня: одна душевая комната была больше зала в дядькином доме.

Хозяин достал из шкафа армянский коньяк, пару маленьких рюмок, положил в тарелку яблоки, нарезал сыр...

– Сегодня у нас бедный стол, – усмехнулся он. Протянул рюмку, они чокнулись. Артём в один глоток осушил рюмку, закусил кусочком яблока. Илларион смаковал коньяк, и почмокивал губами, явно получая удовольствие от ему привычного напитка. – Я не готовился, неожиданно встретил тебя, – продолжал старший.

– Ты, конечно, хочешь понять, с кем имеешь дело. – Илларион пронзительно посмотрел в глаза парня. – Я живу сейчас в Баку. Есть у меня своё крупное дело. Меня уважают многие, иные побаиваются. Подружился – узнаешь больше, – усмехнулся он одной щекой, вторая почему-то осталась неподвижной. Заметив внимательный взгляд, пояснил: – Остатки инфарктного подарка. Но я уже почти в норме. Впрочем, хватит обо мне.

Хочется мне понять, чем ты дышишь? Надеюсь, не с картами связываешь своё будущее, Тёмка-темнила? – Он усмехнулся, давая понять, что знает всё о его карточных приключениях. – У тебя светлая голова, нужно учиться.

Артём рассказал о своих недавних размышлениях на эту тему, о предложении Вадима Туманова.

– Наслышан я о нём, – задумчиво протянул Илларион. – Восемь лет в заключении и восемь побегов. Как жив остался? Всё время ловили и били до полусмерти.

– Это мне рассказывали, – заметил Артём.

– Но едва ли рассказывали, что на прииске имени Фрунзе Туманов собрал заключённых в старательскую артель по добыче золота. Они первыми добились оплаты за конечный результат и увидели, что это хорошо для артели, а могло бы быть для страны. Да что-то страна не торопится перенимать его опыт.

Думал я сперва предложить тебе поработать у меня, но его окружение – замечательная школа жизни, их уроки тебе ой как будут полезны. Поезжай! И пиши мне, если захочешь, в Баку, до востребования. Я всегда буду рад тебя видеть, слышать, а если нужно будет – помогу, – уверенным и благожелательным тоном закончил он.

Артём молчал, раздумывая. Неожиданная встреча эта, словно подстроенная под ненаписанный еще сценарий, взволновала его. Обычно весёлый, говорливый, он не знал, как реагировать. Заметив это, Илларион пошутил: скупаешь со мной, к подруге торопишься?

– Нет, батоно, мне с вами очень интересно. А любимую я ещё не встретил, я не Ромео, мне и шестнадцать-то исполнится только в конце года, это по паспорту скоро семнадцать. Да и слишком быстро в последнее время жил: учёба, работа в ресторане, в свободную минуту – бильярдная, иногда каталам помогаю кое в чём. А ещё почитать нужно и русскую литературу и английскую...

– Молодец, у тебя всё впереди. Только правильно выбери цель.

– Пока что нужно двоюродным братьям и сёстрам помогать, пятеро их у дядьки Акопа. Пожалуй, поеду я на сезон, чтобы заработать в артели Туманова. А на следующей неделе надо экзамены сдать на заочное отделение в пединститут, буду специализироваться в английском языке.

– А как же отцовские гены? В театральное или музыкальное какое-нибудь училище не тянет?

– Я знаю, что неплохо пою, да и стихи умею читать. Но всё-таки к языкам у меня больше способностей. Грузинским, армянским, английским уже владею, по-осетински и по-карачаевски немного понимаю. Да и дядя Шота посоветовал выучить ещё несколько...

– Что за Шота? Откуда? Почему ценишь его мнение?

– Он земляк Отари Лобжанидзе, шеф-повара ресторана «Заря», где работает и мой дядя. Там, помогая дяде на кухне, я с ним и познакомился. Он почти каждый год приезжает в Кисловодск. Фамилию я никогда не знал. А работает он в отделе пропаганды ЦК партии.

– Ого, какие у тебя, оказывается, разные знакомые: и из ЦК и бывший ЗК, – улыбнулся нежданной рифме, – а потом рассмеялся, оценивая свой экспромт. – Два противоположных полюса жизни. Но если серьезно, то оба советуют дельно. Я, пожалуй, присоединюсь к ним. Ты здесь, позволю себе литературное сравнение, плаваешь в ласковом море, а у Туманова работают люди, закаленные штормами да бурями. Вот уроки их жизни и общение с ними многому научат тебя.

– Ну, я и здесь кое-какую закулисную, если уж говорить сравнениями, жизнь подсмотрел. У катал, например.

– Мальчик, это же не твоё. В Англию или в Германию ты играть не поедешь, не выпустят. И неужели только для этого ты учишь языки?

– Вы правы, батано. Когда читаю Шекспира, понимаю, что хочется не существовать, а что-то создавать. Но вот что – пока не знаю...

– Ну, создавать-то в нашей стране много чего нужно, – улыбнулся собеседник. Только с писателями и поэтами у нас всё в порядке. Талантов хватает. А если спуститься с поэтических высот на землю – кругом дефицит. Впрочем, я не прав. И в других сторонах жизни у нас есть способные и даже очень люди. Многие умеют из товарного дефицита делать деньги и даже очень большие деньги. Если бы они не помогали официальной экономике – трусов не смог бы купить в магазине...

– Знаю, у меня двоюродная сестра работает в трикотажном цехе: две смены официально – третья-подпольная.

– Воооот, – протянул Илларион, поднялся из кресла, помолчал. Потом улыбнулся. – Вспомнил я одну пословицу: «Не говори человеку всю правду, когда хочешь с ним познакомиться: оставь это на тот случай, когда захочешь с ним расстаться». Запомни, когда-нибудь пригодится. Но я не последую этому совету, – усмехнулся он, – потому что всякий совет к разуму хорош.

Ты затронул тему, на которую я сначала не хотел с тобой говорить. А теперь понял, что ты всё равно об этом узнаешь и удивишься, что я промолчал.

– Грузный и как бы оплавившийся, – глядя на собеседника, подумал Тёмка, – Илларион тяжело поднялся из кресла, потянулся, двумя руками растёр поясницу, несколько раз повернул голову влево-вправо, разминая шею.

– Уставать начал, – чуть ли не виновато промолвил. Подошёл к Артёму, погладил его по голове. – Запомни эти дни, парень. В Кисловодске состоялось событие очень значимое для страны. Наверное, вскоре тебе кое-что расскажут твои друзья-каталы. И может быть, даже предложат быть посредником в некоторых делах. Откажись, сынок. Не твоё это.

– А что случилось? Слышал я сегодня, как один цеховик говорил своему брату, что несколько очень весомых в деловых кругах людей одновременно приехали сюда.

Маленький урок

– Ты сегодня пел некоторым из этих людей. Здесь были представители цеховиков из Харькова, Москвы, Баку, Ростова, Махачкалы... И некоторые воры в законе, в основном, представители кавказских национальностей. Днём вели переговоры в одном из складов города, чтобы не привлекать внимания милиции, а вечером уже отдыхали. Они как раз из тех, кто умеет делать деньги. Кто на дефиците самых разных товаров, кто на человеческих слабостях. Некоторые – очень и очень большие деньги. С государством в лице чиновников и людей в форме научились договариваться, откупаться.

– Ну, это я давно освоил.

– Э-э-э, брат, речь идёт не о горкомовских шляпах и мелких милицейских шавках. Масштабы растут бесконечно! – Илларион вернулся в кресло, налил себе стопку коньяка, не предлагая Артёму, жестом показал, что ему уже достаточно, выпил, понюхал кусочек лимона, закрыл глаза и продолжил.

– Я ведь когда-то лекции читал в университете, побудь немного моим студентом. Дело в том, что во многих регионах заготовка и переработка хлопка, мясная и лесная промышленность, сельское хозяйство, государственная торговля и общественное питание сейчас контролируются семейными кланами или группами руководителей. Между ними распределяются размеры прибыли, жёстко закреплены конкретные функции...

– Это что же? Подпольное государство?

– Похоже, усмехнулся грузин. Кое-кто этому позавидовал. Шакалы уголовной среды сориентировались в изменившейся ситуации быстрее, чем милиция и налоговая инспекция. Амнистированные или вышедшие на свободу воры в законе и откровенные убийцы сразу нашли взаимопонимание – возникли банды новой формации... Им захотелось «потрясти» тех, кто расторопнее, умнее, стал пожирнее. Грабили, убивали. Для устрашения пытали и насиловали женщин, похищали и убивали детей.

Бандиты прекрасно понимали: потерпевший в прокуратуру не побежит. Потому что, объяснив происхождение нажитых миллионов, он получит срок да ещё станет смертельным врагом рассекреченных компаньонов.

(Тут Тёмка невольно вспомнил историю с продажей Эйфелевой башни, хотел рассказать её, но потом понял, что не стоит перебивать Иллариона).

– Подпольные миллионеры завели телохранителей, – продолжал старший. – Начались разборки, стрельба с двух сторон, гибли и те и другие. Выгоды и прибыли это никому не приносило. Наконец, кому-то из воров в законе пришла в голову идея: так можно же и нам договориться с цеховиками, как это сделали чиновники. Они «крышуют» предпринимателей, защищают от закона, а так называемые воры в законе могут брать мзду, защищая от залётных, случайных грабителей...

– И договорились?

– Воры просили за это 20 процентов от прибыли, сошлись на 10 процентах. Теперь предстоит только поделить страну на зоны влияния различных воровских кланов, закрепить за каждым из них определённых цеховиков.

– Но ведь это не может остаться без ответа от МВД или КГБ?

Илларион рассмеялся. – Конечно, они всё знают. А парадокс в том, что власти выгодно и существование подпольных цехов, которые помогают государству снабжать население дефицитными товарами, той же модной одеждой, и воров в законе, они ведь помогают милиции в какой-то степени поддерживать порядок в криминальном мире. И об этой сходке в Кисловодске, конечно, известно. Но едва ли власть решится на широкомасштабную войну: слыш-

ком многие чиновники (и весьма высокопоставленные!) заинтересованы в мирных контактах и с той и с другой стороной...

Долго они говорили в тот вечер. Так Артём неожиданно обрёл мощного покровителя. Расставаясь, Илларион обнял парня. Помолчали. Потом старший подмигнул и сказал: на всякий случай запомни пароль: «Замок коварства и любви».

Ницца, 1991 год. Воспоминания о событиях 1979 года

Карнавал гудел, свистел, аукался, переливался красками солнечного заката и бури одновременно... Но Артём и Соня видели только глаза друг друга. Взявшись за руки, они свернули в какой-то относительно тихий переулок, устроились в скверике на лавочке. И говорили, говорили, говорили... Суматошно, сбивчиво, перескакивая с воспоминаний о Кисловодске на впечатления от Ниццы.

Пообедали в ближайшем кафе, продолжая разговорный марафон.

– Знаешь, 79-ый год для меня был переломным, – вспоминал Артём. Познакомился тогда с Высоцким, с его другом Тумановым, который оказался знаменитым золотодобытчиком. И он пригласил меня поработать поваром в его артели. Долго я сомневался, почти год. Заработки хорошие, но неизвестность страшила. Тайга, в артели много бывших заключённых.

Поехал я как-то в Ессентуки, там Николай Павлович Лобжанидзе в то время управлял трестом ресторанов и столовых. Замечательный был руководитель: отличные рестораны создал, первоклассные диетические столовые для курортников, рабочие столовые на зависть соседям. Из Сочи, из Ростова, из Краснодара приезжали перенимать опыт. В конкурсах Главкурортторга побеждали повара и официанты его треста. Предлагали ему в Москве возглавить трест, отказался. Позже его перевели в Кисловодск, повторилась та же история.

– Ну, я-то это знаю. Общепит в городе преобразился. А зачем ты поехал в Ессентуки? Что-нибудь новенькое? – Соня перебралась в рядом стоящее кресло.

– Он снова удивил: в ресторане при гостинице организовал обслуживание по системе «шведский стол». О таком на Северном Кавказе тогда даже не слышали. Конечно, и я захотел посмотреть, как это организовано, поговорить с шеф-поваром, узнать, не боится ли он прогореть. Ведь поесть нахалюву наш народ умеет. Всё было отлично. Я уже собрался уходить. Но тут в зал вышел Николай Павлович, увидел меня, подозвал. Что, думаю, ему понадобилось?

– Артём, понравилось здесь? – Я расплылся в улыбке: сам Лобжанидзе моё мнение спрашивает. Сказал в ответ что-то восторженное. Он улыбнулся и просит: – Сделай одолжение, спой для моих гостей. Я в «Замке» недавно тебя слушал. Очень мне понравилось, надеюсь, им тоже доставишь удовольствие. А мне с журналистами нужно дружить.

– А причём тут журналисты? – не поняла Соня.

– Они же пришли, чтобы написать репортажи. Стол был накрыт в отдельном кабинете на четверых, а гостей было двое. Одного я видел перед той встречей года за два в «Заре», он был тогда заведующим отделом газеты «Кавказская здравница». Приходил к нам вместе с инспектором Каневским. Рейд проводили, акт составили. Попотел тогда наш шеф Отари.

Второго я не знал. Крупный, вальяжный, с весёлыми глазами, усы и борода придавали лицу его степенность. Как выяснилось вскоре, кажущуюся. Он сыпал шутками, прибаутками. Сосед называл его Максом, сам отзывался на Вениамина.

– Это не тот ли Макс Росс, что ухитрился написать о кремлёвских воротах?

– Он. Но фамилию я услышал позже. А что он эмигрировал в Канаду, узнал, когда прочитал его книгу.

– Так ты с ним виделся!

– Не только виделся. Слушай дальше... Усадили меня рядышком, потчевали, расспрашивали. Тут я впервые понял, что из журналистов вопросы сыпятся, как крупа из полного мешка, не останавливаясь. Пришлось разговориться. Потом попросили спеть. Благодарили. Удивились, что хорошо знаю английский.

Неожиданно заговорили о социологическом опросе, который совместно проводили на трикотажной фабрике. О директрисе, очень симпатичной, она понравилась Максусу. И я

вспомнил, что двоюродная сестра моя, которая работает там, рассказывала об этом опросе, говорила, что Макс сотрудничает с «Комсомольской правдой».

От обсуждения результатов социологического опроса, который меня не очень интересовал, плавно перешли к обстановке в стране. Тут я наслушался такого, чего тогда в газетах не писали.

– Например!

– Начали обсуждать политические новости. Оказывается, еще в 1978 году в иностранной печати обсуждали возможный уход Брежнева в отставку. Югославская газета «Борьба» опубликовала статью о секретаре ЦК КПСС Кулакове под названием «Будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС». И вскоре, в июле, он неожиданно умер. Странная смерть. Были слухи, что его просто застрелили...

– Ты меня пригласил в кафе, чтобы рассказать об этих слухах? Так я подобного уже наслышалась...

– Извини, просто вспоминаю этот вечер. Передаю логику моих впечатлений. А сконцентрировались они на золоте! И тут без воспоминаний о Вадиме Туманове, его артелях, не обойтись. Макс рассказывал, что в 70-80-е годы страна выживала за счёт продажи огромного количества золота, которым латали дыры в экономике нашего так называемого развитого социализма. Золотом оплачивалась импортируемая техника, потребности медицины и отечественной фармацевтической промышленности. Даже закупки зерна, которого мы не могли собрать достаточно для удовлетворения потребностей промышленности, людей и животных.

Золотишко помогало выжить и предприятиям военно-промышленного комплекса, которые получали из Госфонда золото по стоимости 1 рубль за 1 грамм металла. Представляешь? А для других предприятий-изготовителей золото обходилось в 12 раз дороже...

– А сейчас разве не так? – спросил я журналиста.

– Примерно так же. Только добывать золотишка стали больше, – ответил Макс. Помолчал и добавил: – Разрешили мыть золото вольным артелям. Они работают успешнее, чем государственные предприятия. – Меня так и подмывало сказать, что я познакомился с Тумановым. Но сдержался. Оказалось, что не зря. После небольшой паузы Макс достал из своего кейса фотографию, показал нам. Как ты думаешь, что я увидел?

– Неужели этого Туманова?

– И не одного. Группа золотодобытчиков на фоне бульдозера, а в центре Туманов в обнимку с Максом!

– Репортёра ноги кормят! – Отреагировала Соня.

– Не совсем так. Он тогда просто работал в артели Туманова. Сначала бульдозеристом, потом бригадиром... А знаешь, чем кончилась наша встреча?

– Не томи...

– На следующий день мы сидели с Максом в «Заре», он познакомился с моим дядей и уговорил его отпустить меня вместе с ним поехать к Туманову. Макс ехал писать репортаж для газеты о новой артели Туманова. Через неделю мы были в посёлке золотодобытчиков... Ну, об этом долго рассказывать. Как-нибудь в другой раз. Расскажи-ка ты о себе.

Соня похвалилась школьной золотой медалью, успехами на выставках одежды. Оказывается, этот дагестанский костюм ей подарили после того, как признали лучшей моделью на Ставрополье.

Вечерело. Артём, так неожиданно влюбившийся, растерянно прокручивал в своём обычно безотказном компьютере варианты: пригласить в гостиницу, договориться о встрече на завтра или сначала спросить о её планах?

Соня тоже просчитала ситуацию, улыбнулась и, словно извиняясь, тихонько сказала: – Мне пора. Я ведь ночью уезжаю... Артём попытался что-то сказать, но девичья рука погладила его по щеке, в глазах девушки застыло сожаление. – Меня ждут жених, приключения и дальние

страны, – громко, раскатисто рассмеялась. – Может быть, увидимся когда-то, – провещала, вскочила, и исчезла так же неожиданно, как появилась.

(Мне, рассказчику этой истории, очень хотелось вмешаться, остановить этот нежелательный для двоих побег, но тогда тропинка жизненных странствий увела бы моих героев, которым судьба подкинула пробный шар, в совсем иные приключения. И едва ли Артём вернулся бы в 1992 году в Кисловодск, где снова встретился с Тумановым. И снова на опасную вершину)...

1980 год

ОТ АВТОРА

Я легко путешествую в своей книге из года в год. И чтобы помочь читателям не запутаться, иногда приходится кое что подсказывать. Если вы не читали мою предыдущую книгу («Отложенная партия»), в которой много страниц посвящено журналисту Максиму Росс, по прозвищу «Везунчик», то давайте последуем за ним сейчас. Он договорился с Вадимом Ивановичем об интервью. Тема была беспроигрышной. Артель Туманова («Печора») начала осваивать базовые принципы предприятия нового типа: многопрофильного, полностью хозрасчётного, самоуправляющегося, социально ориентированного. Это был экзотический уголок свободного предпринимательства в мире жёсткого централизованного планирования. Одновременно с традиционно разрешённой добычей золота артель начала на хозрасчётных условиях осуществлять геологоразведочные, общестроительные, дорожно-строительные работы, причём рекордными темпами и с отличным качеством.

Артель «Печора»

Без приключений Макс и Артём добрались в Инту, где была одна из баз «Печоры». Удивило и обрадовало общежитие: с бассейном и зимним садом. Увы, везунчику, впервые не подфартило, интервью с Тумановым пока не сложилось, Вадим Иванович неожиданно улетел в Москву. Но простаивать пишущий «волк», которого кормят ноги, не умел. Оставил Артёма обустроиваться в комнате, которую им выделили на двоих, и побежал искать знакомых. Не было в мире места, где таких не находилось.

Так и случилось. Первым же встречным оказался Леонид Мончинский, Макс общался с ним в московском Доме журналистов, и в Иркутске, где тот жил.

– Старик, привет! – раскинул руки Макс.

– Везунчик! Какими судьбами?

– Да вот, хорошего повара сюда привёз, – отшутился Макс.

– Ну, тогда сразу пошли в столовую! Где протеже?

Они захватили Артёма и пошли обедать. Столовая порадовала чистотой, порядком. Познакомились с шеф-поваром.

– Зовут Виталием, – представился тот, – учился, трудился, мучился в Москве, сюда приехал на отдых, – пошутил дородный, молодой еще хозяин кухни. Обрадовался приезду Артёма.

– Говорил Вадим Иванович, что ты прилетишь, хвалил твои киевские котлеты. Рад такому помощнику. Но сегодня ты – гость. Отведайте моих разносолов. Правда, вы опоздали, но голодными не уйдёте. – И на столе появились паштет из фасоли, икра грибная, рыбная солянка. Артёму очень понравился хлеб.

– Бородинский? – спросил он у коллеги, помогая тому убрать со стола использованную посуду.

– Нет, Витальевским ребята зовут, – рассмеялся повар. – Сам пеку, по своему рецепту. А у тебя есть свой рецепт хлеба?

– Нет, – смутился Артём. – Зато я читал о хлебе много. Знаю, например, сведения «отца истории» Геродота о том, что в Египте считалось позором употреблять в пищу пшеницу и ячмень. Хлеб там выпекали из полбы, которую некоторые называют зеей. Хотя, в принципе, это просто полудикая пшеница.

А предпочитали её, наверное, потому что хлеб из полбы лучше бродит, – разговорился Артём. – В Двуречье пекли хлеб из сезама, а у нас на Руси до царствования Петра I предпочитали хлеб из аморанта. Пётр почему – то запретил использовать этот злак для хлеба. Я пока не нашёл этому объяснения. Ведь очень полезный злак. Щирица, бархатник, аксамитник, петушиные гребешки, кошачий хвост, лисий хвост – названий у этого красавца предостаточно. Привычный для глаза любого дачника-огородника цветок амарант хранит величайшую тайну!

– Да, – вступил Мончинский, услышавший разгвор поворов. – Мара – богиня смерти у древних славян. Амарант в буквальном переводе означает «отрицающий смерть», начальная буква «а» и имя страшной богини формируют волшебное слово, намекающее на бессмертие...

– Виталий развёл руками. – К сожалению, я и этого не знаю.

Артём вернулся за стол. Старшие говорили, не умолкая. Артём невольно впитывал новые знания.

– Ты тоже приехал к Вадиму за интервью? – спросил Макс Мончинского. Собеседник рассмеялся: —Я уже давно не журналист. Работаю с Тумановым несколько лет.

– Вот те на. Сменил хлеб журналистский на хлеб старательский. Впрочем, неизвестно что тяжелее. У меня всё наоборот, зарабатывал на хлеб, как говорят, топором (с Тумановым просеки прорубал), а теперь – пером. Что случилось-то, журналистику разлюбил?

– Заставили! Я после окончания университета работал в агентстве новостей, писал и для некоторых американских газет. В одной из них стал лауреатом. Редакция пригласила меня приехать в США. Не выпустили.

– Посчитали, что слишком длинный язык? Нет, скорее всего, за то, что была у меня судимость. В армии подрался, попал в дисциплинарный батальон.

– И ты обиделся. Ушёл из журналистики. Прости, брат, это поспешно...

– Не обиделся, просто посчитал, что трудно будет работать дальше. И не совсем ушёл. Писал я в «Огонёк», Сафронов не побоялся сотрудничать с провинившимся перед властью... А сейчас я доволен. С Вадимом хорошо ладим. Есть много общего: я был кандидатом в мастера в боксе, а он – даже чемпионом флота... Да и мыслим с ним в одну сторону... Зарботки здесь отменные. Но я и перо-то не бросил. Пишу книгу.

– О чём, не секрет? – Леонид немного помялся. Макс вопросительно поднял от тарелки голову. – Не хочешь – не говори!

– Не один пишу, а друга не спросишь о согласии, он сейчас далеко. Впрочем, он компанейский человек и ничего не скрывает.

– Я его знаю?

– Наверняка! Слышал часто, и уверен, что один раз видел. Мы с тобой на следующий день познакомились!

– Постой, постой! – вскочил Макс. – Это же 1976 год. Иркутск. И с твоего балкона поёт Высоцкий! Я проходил мимо. И на следующий день разыскал тебя, чтобы познакомиться с ним. А он уже улетел, к сожалению...

– Да. Тогда мы с ним поработали над книгой две недели. А позже была переписка и регулярные встречи для вычитки, правки, обработки уже написанного... Мы работали, когда он приезжал в Бодайбо и когда я прилетал в Москву. Должен сказать, что основным его вкладом в общую работу, как поэта, была образность. Этим можно было любоваться. А вот в прозе он был несколько тороплив.

– О чём же книга? Хотя, постой. Попробую угадать. О судьбах заключённых! Ведь бывших зеков в артели не пересчитать. Как назвали?

– Чёрная свеча! – О-0-0! Сразу заставляет задуматься..

Обед подходил к концу. Артём уже подчистил свою тарелку, собрал посуду и отправился на кухню...

Да, подумать есть о чём

Следующий день начался с обычных для него забот: почистить овощи, помыть и порезать мясо, приготовить салаты... Всё это он делал автоматически, а мозг перерабатывал уже накопленную информацию. Вечерние разговоры с Виталием, полуночные – с Максом. Шеф-повар понравился Артёму: основательный, спокойный, очень умелый и знающий, в знаменитой московской «Праге» поработал. Приезду Тёмки действительно обрадовался, за последний месяц двое его помощников уехали. Жёны настояли: денег накопили, домики в Краснодарском крае купили, решили, что детишек лучше растить в тёплых краях.

А Макс дожидается возвращения Туманова, и пока думает попытаться провести маленькое социологическое исследование. Почему народ уезжает из этих богатейших краёв? Ведь заработки хорошие. Макс, лёжа на соседней кровати, размышлял вслух.

– Прочитал я перед отъездом лекцию одного профессора. Убийственные данные. Наши северные территории, Камчатка и Магаданская область – это почти две трети всей страны. А знаешь, сколько там проживает народу? Лишь 7% населения всей России. В начале двадцатых годов здесь было только коренное население. Пустовали богатейшие земли! Ведь тут добывается чуть не 99% золота и алмазов, 97% газа, три четверти всей нефти, наконец, половина всей рыбы!

– Но ведь после того, как ввели Северные льготы и Северные надбавки народ сюда поехал. Это случилось в 1961 году, – проявил свои знания Артём.

– Да. Мера была вынужденная. После смерти Сталина, точнее после реабилитации многих осуждённых, начался массовый отток населения со всего Севера и Дальнего Востока. Правда, за последние годы наметился рост. Но он мизерный. И заработав на квартиру, домик или машину, люди уезжают. Хотя зарабатывают здесь втрое больше. Я не про артель говорю, это отдельный разговор...

День пролетел незаметно. Вечером по пути к общежитию встретился с Леонидом Мончинским. Обменялись ничего не значащими фразами. Но потом Артём переборол своё стеснение перед старшим и спросил. – Извините, можно вопрос? – Тот, улыбнувшись, кивнул головой. – Конечно!

– Правда ли, что большинство живущих в этих краях, только и мечтают заработать и уехать в Москву да в Сочи?

– Ой, парень, это очень долгий разговор. Выделится свободная минутка – обсудим. А сейчас я отвечу тебе так: действительно, такой сценарий, я бы назвал его сценарием отложенной жизни, преобладает. К сожалению, у многих он длится до конца этой жизни! Есть хорошая притча на эту тему.

Далай-Ламу однажды спросили, что больше всего его изумляет. Он ответил: – Человек. Вначале он жертвует своим здоровьем для того, чтобы заработать деньги. Потом он тратит деньги на восстановление здоровья. При этом он настолько беспокоится о своём будущем, что никогда не наслаждается настоящим. В результате он не живёт ни в настоящем ни в будущем. Он живёт так, как-будто никогда не умрёт, а умирая, сожалеет о том, что не жил.

Вот пока эту отложенную жизнь не сделаем настоящей, а это ой как трудно, в первую очередь молодежь будет стремиться в какие-то дальние края. Подумай над этим! И – до завтра.

Новые знакомые

...Одному в комнате вскоре стало скучно, Макс где-то бегал по своим делам. Артём вспомнил, что можно сходить в баню. Собрался, пошёл. В раздевалке увидел атлета лет двадцати пяти, ростом под метр девяносто, явно кавказской внешности. Нет, ни бороды ни усов у него не было. Но глаз Артёма привычно отсканировал осетинский профиль. И угадал. Улыбнулся, хотел поприветствовать по-осетински, парень первым представился по-русски: – Джанаев. Лучше просто Сергей. Ты, кажется, тоже из наших краёв?

– Артёмом кличут, из Кисловодска я.

– Так это ты новый повар? Рад земляку. Я вырос в Пятигорске, знал в ресторане на вокзале замечательного повара. Ребята говорили, что он кисловодчанин. Пожилой уже был. Как же его звали? Вспомнил: Михал Михалыч Саркисов! И в столовой возле крытого рынка один кисловодчанин работал, кажется, Володи Лобжанидзе звали. Почему знаю? В газете писали. Он был депутатом на 16-ом съезде комсомола...

– У нас много хороших поваров. Так уж получилось, что во время революции богатые аристократы отдыхали у нас вместе со своими поварами. А когда пришлось князьям да графиням уезжать за границу, челядь их осталась в наших краях. Дети перенимали опыт родителей. И теперь во многих наших ресторанах – в «Чайке», в «Замке», в «Театральном», в «Храме воздуха» – могут похвастаться мастерами-поварами. Такими званиями награждают сейчас самых умелых. Я с малолетства на кухне, помогаю своему дяде, но в последние полгода набирался ума у Эдуарда Георгиевича Петросяна из «Дружбы», одного из лучших. О нём могу рассказывать часами.

– С удовольствием послушаю. Бывал я в «Дружбе», конечно, только в зале. Вкусно кушал.

Артёму хотелось спросить нового знакомого о многом, но тот цепко держал нить разговора в своих руках. Помылись, потёрли друг другу спины. Наконец, Тёмка выбрал удобный момент и спросил: – А ты-то чем занимался в наших краях и что сейчас делаешь здесь? – Сергей положил мочалку на полку. Улыбнулся. Что-то хотел сказать, но внезапно между ними возник тощий маленький человечек, ткнул пальцем в грудь Сергея и то ли проблеял то ли проворковал: «Страна должна знать своих героев!».

– Уймись, Винтик! – Сергей положил ему на затылок ладонь-почти лопату и легонько, словно боясь сломать ему шею, подвинул нежданного оратора.

– Ладно, пойдём оденемся, расскажу о себе немного. – Начал говорить по пути. – После школы устроился я электриком в санаторий «Ласточка». Мама упростила главного врача, Она там работала библиотекарем. Золотой человек Степан Гайкович Айрапетов взял мальчишку на работу, а ведь мне ещё не было восемнадцати лет. Как-то он уладил это дело. Да-а. Электрику я знал хорошо: отец покойный натаскал. Проблем на работе не было. Зато они буквально давили нашу семью. Мама и сестра болели постоянно... Моих денег не хватало. Правда, иногда, когда проходили какие-нибудь соревнования, я получал талоны на питание и потом их отоваривал у знакомых официанток.

– А что за соревнования?

– Да, ты же не знаешь, почему Винтик сегодня выступил. Я был чемпионом краевого «Спартака» по борьбе, выступал и в российских первенствах. Силушку некуда было девать, в деда пошел, он был сибирским охотником. Рассказывают, на медведя с ножом ходил... Такие дела. – Сергей замолчал. Артём переваривал услышанное. «Дед, осетин, в Сибири. Почему? Сослан, конечно». Но уточнять не стал. Сергей долго молчал, а Артём не знал, о чем раньше спрашивать: то ли о дальнейшей судьбе, то ли о нынешней работе.

Первым прервал молчание старший: – Что-то мне не до воспоминаний. Тоскливо. Я бы выпил сейчас чарку-другую, да Туманов узнает, неловко мне будет. Правда, абсолютного

сухого закона здесь нет. Но лучше воздерживаться. А ты еще мал, чтобы составить мне компанию, пронцательно помял он немаленькую руку Артёма. – Ещё увидимся.

Макс рассказывает

Макс был уже дома. Встретил Артёма лёжа, с бутылкой пива в руке, оставшейся из его дорожных припасов. Жестом предложил составить компанию. Когда тот отказался, любитель пива молча поставил ее под кровать.

– Как успехи? О работе не спрашиваю, Виталик тебя хвалит. Ребята сказали, что ты в баню пошёл. Успел с кем-нибудь пообщаться? Ведь баня – это лучшее место для знакомства, для исповеди, для начала дружеских отношений. – Артём коротко рассказал о Сергее, упомянул мимоходом Винтика.

– О-о-о! – вырвалось у Макса любимое восклицание. Ты, брат, в следующий раз посмотри на этого Винтика повнимательнее. Он сказал: «Страна должна знать своих героев?». Так это не только о борце знаменитом, это и о нём самом. – Макс словно загорелся, двумя руками взлохматил свою гриву, резко привстал с кровати, стал похож на горьковского Челкаша, как его воображал Артём в школьные годы.

– Он один из тех, кто вместе с Тумановым направился добывать золото на Охотское побережье. Впрочем, тебе это ни о чём не говорит. Те места для золотодобытчиков считались совершенно пустыми. Правда, был слух, что ещё до революции там мыли золото. Туманов решил проверить. Многие посчитали это авантюрой. – Глаза у Макса горели, он сам по натуре авантюрист, видно, завидовал Винтику и другим участникам сурового похода, сожалел, что не был с ними.

– Артель их называлась «Восток». В первую зиму 1970—71 гг. им пришлось пробивать зимник протяженностью в полторы тысячи километров (!), преодолеть Джугджурский хребет, чтобы выйти в долину Лантаря на побережье Охотского моря. А климат там очень суровый. По признанию Туманова, им даже самим не верится, что смогли прорваться к морю через эти непроходимые места. Помню, как он рассказывал. – Макс выпрямился, встал, словно на сцене, говорил, почти декламируя.

– Это надо видеть своими глазами: Охотское побережье, зимники. Ты едешь по льду на грузовой машине, лёд трещит, колёса уже покрыла вода, и остановиться нельзя, потому что может вся машина под воду уйти. А эти парни – не на грузовиках, на бульдозерах... Бульдозер проваливается, кругом тайга, жрать нечего – сечка одна без соли, или вообще продуктов нет, и надо что-то придумывать... – Макс сел, осунулся, запал кончился, взрыва не последовало. Он улыбнулся своей горячности, вздохнул и спокойно продолжал.

– Чтобы понять цену этого прорыва или порыва, не могу подобрать точного слова, нужно просто узнать, что недавно где-то в Тюмени ребята получили звания Героев труда за то, что пробили в тундре 80 километров дороги. Сравни: 80 и 1500, Тюмень и Джугджурский перевал...

– Ну, а золото-то оказалось там? – с нетерпением спросил Артём.

– В первый же год они добыли тонну золота! А потом уже добывали по полторы... И это не с помощью драги. Правда, позже артель Туманова всё-таки первой в стране стала применять землеройную технику. Убеждён, что артель, где люди работают на себя, – это самая эффективная, самая демократичная форма хозяйствования. В иные сутки, а работали они по 80 часов в неделю, превышали норму добычи во много раз.

Ну, и зарабатывали, конечно, очень хорошо. Туманов как-то сказал: платить надо не за то, что косишь, а за то, сколько накопил. Мудрые слова. А главное – они очень быстро становились понятны бывшим зекам, вора́м, отсидевшим свой срок где-то в этих местах, узнавшим об артели, примкнувшим к ней. Артель его всегда гремела по всему северу, а потом и по всему Дальнему Востоку.

Представь, какой подарочек стране они делали, если артели старательские начали намывать третью часть всей добычи ценного металла в стране. Однако из-за управленческой неразберихи несколько лет назад объёмы отечественной золотодобычи у государственных предприятий стали сокращаться. Поэтому власть, предвзято относившаяся к «несоциалистическим» формам производства, решила усилить за ними контроль, артели могли действовать только по договорам с государственными золотодобывающими предприятиями.

– Макс, вы всё время говорите «они».

– Дружок, во-первых, и я не привык к разговору на «вы», и здешний народ тоже, и среди моих нынешних коллег-журналистов это не принято. Во-вторых, я себя со сторожилами не ровняю, отработал с Тумановым всего несколько месяцев. Меня уже тогда влекла журналистика. И очень нравилась рубрика «Журналист меняет профессию». Кем я только не поработал: и в метро ночью уборщиком, и рыбаком на траулере, и санаторий строил в Пятигорске, и проводником дальнего поезда. Вот и с Вадимом Ивановичем познакомился, загорелся идеей и тут же в очередной раз поменял профессию...

– А когда это случилось?

– Пять лет назад.

– А что поразило тогда...? – Артём споткнулся, постеснялся сказать «тебя». Макс понял, улыбнулся.

– Привыкай, старик! Тебя, Тебя, Тебя! Здесь ко многому придется привыкать. А поразило в тот раз и меня да и всех новеньких-бульдозеристов, экскаваторщиков, сварщиков, отсидевших разные сроки: кругом чистота, в тумбочках замков нет, лежат там деньги, паспорта, вещи разные. Никто пальцем не тронет. Может кто-то у соседа с тумбочки взять водку и выпить, но деньги – ни-ни. И новичкам приходится менять старые привычки. Отработали сезон, через год возвращаются уже другими: чисто одетыми, подтянутыми и желающими еще заработать, поскольку появилась какая-то цель в жизни – не пропить, не прогулять нажитое, а дом построить, семейное гнездо начать вить...

– Неужели за год на дом зарабатывали?

– Если бульдозерист или экскаваторщик зарабатывал трудовень, его оплата была больше, чем у тогдашнего секретаря обкома Бориса Николаевича Ельцина, который получал примерно тысячу рублей в месяц. А у тебя в Кисловодске, наверное, рублей сто двадцать выходило? – Артём молча кивнул головой. – Вот. А наши ребята по государственным, заметь, расценкам, но с бешеными артельными темпами работы, огребали вдвое больше Ельцина. Ну, а Туманов, естественно, – ещё в два раза больше – четыре тысячи. В Политбюро был шум, истерика, почему это Туманов получает столько...

Артём вспомнил хату-мазанку, в которой вырос, прилепленную кое-как к ней и уже просевшую на плохом фундаменте кирпичную пристройку – результат торопливого аврала дядькиных родственников, собравшихся помочь ему после рождения пятого ребёнка. И, пожалуй, впервые у него возникла мысль о том, что высококачественный, добротный труд много ценнее для государства. Если специалист построит дом – он простоит без ремонта и полсотни лет. И не надо будет вечно латать заплатки в дорогах, которые построили наспех да ещё в дождливую или морозную пору.

Макс выслушал с улыбкой, радуясь в душе, что парень мыслит, а не просто откладывает накопленную информацию.

– Ты прав, кацо, позволил он себе употребить грузинское словечко, зная о происхождении Артёма. – Если уж ты начал думать, то я расскажу о том, что ещё не учитывают уважаемые министры, когда завидуют деньгам старателей.

– Тяжеленный труд – это еще не всё. Работали они без северных добавок, без налоговых и кредитных льгот, без капитальных вложений со стороны государства, которые, если дают отдачу, то спустя годы (а нередко вбухиваются и впустую). Вспомни еще о необходимых затра-

тах на социальные проблемы для работников государственных предприятий: трудоустройство жён добытчиков, строительство и содержание детсадов, школ, коммунально-бытовое обеспечение, охрана порядка... Здесь обходятся без этих затрат, экономится столько, что даже прибыль трудно подсчитать. Молиться надо государству на этих людей...

Макс приостановил свой спич, достал из-под кровати бутылку с пивом, сделал пару глотков, помолчал... Потом ухмыльнулся, снова улёгся в кровать, укрылся одеялом, поворочался, показывая, что готовится ко сну. Но вдруг добавил: – Вот и посчитай теперь, имеет ли право Туманов зарабатывать больше Ельцина. А тому это едва ли нравится. Да и министрам разным.

Вадим Иванович рассказывал как-то о своём разговоре с министром цветной металлургии Ломако. Тот с усмешкой сказал: «Туманов, у тебя зарплата выше моей». На что Туманов быстро среагировал: согласен, мол, поменяться местами! Посмеялись оба.

Пиво закончилось. Макс перевернул бутылку кверху дном, с сожалением цокнул языком и поставил её под кровать. Поправил подушку, улыбнулся каким-то своим мыслям. Видно, что-то вспомнил. И рассказал ещё один эпизод.

– Однажды министр выделил Туманову «Волгу» – дефицит по тем временам. Когда через несколько лет он подписал распоряжение на вторую «Волгу», что было единственным случаем за всю историю министерства, начальник УРСа (Управление рабочего снабжения) не выдержал: – Пётр Фаддеевич! А вы ведь вторую машину ему даёте! – Ломако вскипел: – Да этому парню уже два раза надо было Героя дать!

Однако Туманов получал только «Отличника социалистического соревнования», иногда по два раза в год, словно в насмешку.

– Ладно, заболтался я. Давай спать. Впрочем, ещё один совет: о Винтике спроси у Виталия, он лучше меня о нём расскажет. Очень интересная история.

Сложные судьбы

К вечеру, когда работы на кухне убавилось и повара сами решили перекусить, Артём и задал шефу вопрос: «А что за человек Винтик и почему его так зовут?».

Виталий посмотрел внимательно на помощника, подумал, на гладком лице вдруг образовалась маленькая морщинка.

– Здесь все человеки с очень сложной судьбой, многие привыкли к своим прозвищам. Вот и Винтиком он стал годам к тринадцати, когда подружился с ворами-домушниками в Подмосковье. Пригрели они голодного пацанёнка, подкормили. Родителей у него не было, мать умерла, отец – в тюрьме. Жил на старой даче у одинокой двоюродной бабки своей, которая его воспитанием не занималась.

Лазил по соседским садам, воровал яблоки, груши, пытался продавать, плохо получалось. Старушка одна торговала на вокзале, согласилась помочь ему, он приносил добычу, она продавала, ему отдавала как-будто половину выручки. Виктор тем был и доволен. Однажды старушка познакомила его со своим племянником. Подружились, играли в футбол на заброшенном поле, ходили купаться, иногда выбирались за грибами.

Как оказалось, Пашка присматривался к новому знакомому, давал читать приключенческие книжки. Настал день, когда и привлёк его к первому приключению. – Виталий говорил хмуро, словно вспоминая собственную жизнь.

– Стоял возле железнодорожной станции продуктовый павильончик. Разбитная, весёлая продавщица, не могла долго усидеть на одном месте. Когда не было клиентов, выходила на улицу поболтать со знакомыми товарками-торговками семечками, орехами, фруктами.

А с задней стороны павильона росли группой молоденькие пышные деревья, прикрывающие от постороннего взгляда очень заманчивое маленькое окошко, через которое грузчики подавали Нинке ящики с пивом. Так было удобнее, чтобы не загораживать вход во время разгрузки. А летом окошечко это Нинка даже не закрывала: пусть работает как вентиляция...

И вот Павел предложил Виктору небольшое авантюрное, как он сказал, приключение. Сам он отвлечёт Нинку, а тощий Витька ввинтится в это отверстие и вытащит несколько бутылок. Интересно, увлекательно, почти приключение.

– И всё так и получилось? – не выдержал Тёмка.

– В жаркий полдень Паша принёс на продажу собранную заранее малину. Нина, стоящая у дверей и болтавшая с подругой, продававшей грибы, захотела полакомиться. Спросила цену. Пашка нарочно заломил вдвое против обычного. Продавщица стала смеяться, в шутку предлагала заменить её в павильоне, мол, умелец растёт. Хохмили оба. В шутку торговались. Этих трёх минуток Виктору хватило, чтобы на половину туловища протиснуться внутрь строения, дотянуться рукой до полки (из рядом стоящего ящика он брать пиво не стал, сразу заметит), выудил пару бутылок и был таков.

То ли Нинка даже не заметила пропажи, то ли подумала, что прихватил их её любовник, который частенько заглядывал, чтобы опохмелиться, но всё для мальчишек окончилось благополучно.

Позже оказалось, что Павел выполнял поручение старших, заманивая Виктора лёгкой добычей. Сам он уже не мог быть успешным форточником, ему исполнилось шестнадцать, за год раздался в плечах, да и задница слишком округлилась.

С тех пор и началась для Виктора жизнь, полная приключений. Он заменил Павла и стал удачливым вором-форточником.

Артём решил перебить рассказчика: – Макс говорил, что история очень интересная, а пока очень обычная.

– Торопишься, парень, – невозмутимо, как обычно, возразил шеф. – Сколько сейчас Винтику лет? Скоро сорок. А я начал рассказывать с шестнадцати. Ну, если короче... В восемнадцать пошёл служить в армию. Стал танкистом, трактористом, бульдозеристом... И вообще – механик, мастер на все руки, как говорят. Отслужил в Прибалтике, вернулся в Опалиху, где жил. Бабка умерла. Дача опустела, разграблена, даже кровати вынесли, бомжи изгадили все вокруг. Куда податься?

Вспомнил одну школьную подружку, которая нравилась. Но симпатия не была взаимной. Где-то она? Разузнал, что замуж не вышла. Живёт одна. Нашёл ее дом. Постучал. Молчание. А дверь возьми и скрипни. Не закрыта. Вошёл. Стол накрыт, тарелка с супом дымится, а никого нет. Вдруг слышит из спальни какой-то шорох, шумок. Осторожно подошёл, прислушался, кто-то хрипит, возится. Открыл дверь, смотрит: на кровати какой-то бугай одной рукой зажал рот девчонке, молчи, мол, придавил её всем телом, вторую руку в карман тянет, что там у него – чёрт знает.

Виктор прыгнул, он всегда был ловок и изворотлив, как угорь, на лету схватил с тумбочки какую-то хрустальную вазу и врезал ею по голове насильнику. Оказалось – убил. Судили, впаляли восемь лет. Посчитали, что превысил меры защиты этой девушки. Хотя в кармане у бугая нашли пистолет.

А интересное в этой истории такое: приехала Марина на зону, где Виктор отбывал срок наказания, и расписались они. Отсидел четыре года, полсрока скостили за хорошее поведение. Двое детей у них сейчас. Марина с ребятами в Бодайбо живёт. Домик построили. Туманов помогал. Знаешь, за что? – Виталий выпил стакан воды – пересохло во рту. Предложил Тёмке, тот отказался.

– Пришлось как-то Виктору под зиму остаться одному с провалившимся под лёд бульдозером. Оставили ему ружьё, брезентовую палатку, железную печку.

Сторожи, мол, друг, утопшую в болоте машину. Иначе потом не найдешь проклятое это место. Два месяца выживал он возле этого болота при 40-50-градусном морозе. Но не просто ждал подмогу. Каждый день осторожно, слой за слоем, долбил наледь, снимая намёрзшую массу воды и грязи.

– Похоже на сказку. Так бывает только в книгах, – возразил Артём. – И уж очень подробно вы всё это рассказываете, словно были рядом. – Молод ты ещё, мало чего повидал на свете. А потому дурак-дурачок!

– Может, я чего и не понимаю. А вот вы, Виталий Афанасьевич, пожалуй, многого не знаете. Дураки-то в нашем языке появились в 17 веке с лёгкой руки протопопа Аввакума. И называл он так почитателей мудрости: риторики, философии, логики. Правда, считал он её бесовской.

Виталий несколько обалдело взглянул на пацана. Откуда, мол, такие знания?

– А позже поборники старой веры «дураками» стали называть защитников исправления богослужебных книг во время реформы патриарха Никона. Ну, а лингвисты полагают, что титул «дурака» был связан с ритуалом посвящения в скоморохи, а происходит это слово от индоевропейского *duh* – кусать, жалить. Скоморохи, ведь, укушенные, ужаленные – не иначе. Прыгают, чудачат, кривляются...

Виталий удивлённо продолжал молчать, раздумывая: что за помощник у него появился? С Сергеем говорит по-осетински, с грузинами – по-грузински, с армянами – по-армянски.

– Ой, парень, тебе бы именно лингвистикой заниматься, с твоей-то памятью и способностью к языкам. А ты на кухне застрял. – Он помолчал немного, потом решил ответить, почему так подробно знает историю Виктора-Винтика.

– А с Витькой мы служили вместе. Ровесники и земляки мы, из Опалихи. В армии сдружились, а потом встретились случайно в Москве, когда его уже освободили и приезжал наве-

стить родню. Он меня сюда и заманил. Я и в Москве неплохо зарабатывал, но здесь, конечно, больше. И захотелось чуть-чуть попутешествовать, пока не женился.

ОТ АВТОРА

А мне вдруг захотелось повольничать и рассказать о себе, чтобы молодые читатели поняли, с кем имеют дело. Ведь многое, о чём вспоминаю, пришлось пережить и самому. О тех временах молодёжь так мало знает, это так далеко от современности, так непохоже.

Я много путешествовал. Во время войны семью эвакуировали из Днепродзержинска, где тогда работали родители, в Казахстан. Жили рядом с какой-то воинской частью. Мой (тогда двухлетний) братишка в платьице, сооружённом для него бабушкой, то ли из бывшей скатерти, то ли из занавески, однажды пристроился в очередь к солдатам, получающим в полевой кухне кашу. С того дня в полдень у нас во дворе звучало: рядовой Василевский – на обед!!!

Пока я учился – девять школ поменял в разных городах страны. В первый класс пошёл в Днепродзержинске. Город помнится рыбалкой на Днепре вместе с папой, где он как-то выудил около тридцати сомят, приплывших вместе с плотами с верховьев реки, и майским салютом 1945 года в честь окончания войны. Второй класс – уже в Павловском посаде, где жил тогда мамин брат-художник, вернувшийся с войны.

Привёз он с собой из Германии добычу: пачку швейных иголок, очень они ценились тогда, и альбом с марками да открытками. Красивые, очень познавательные для детского ума – чего только не посмотрелся – королей разных, канцлеров, соборы там были красивые, замки... Однажды бабушка застала меня за просмотром всяких картинок, отняла альбом. Она, учительница, увидела там несколько вульгарных, как посчитала, полуодетых красавиц, танцовщиц... и сожгла альбом. Сколько он сейчас мог стоить – ума не приложу. Но очень много.

Из третьего класса осталась в памяти моя фотография в пионерском галстуке, ботинки, доставшиеся мне из посылок, присланных в помощь стране американцами, да гостиница в Рязани, где во дворе мама готовила на костре обеды для семьи. Ижевск откликается в памяти замечательной рыбалкой да стоянием в очереди за хлебом. Потом был уральский городок Чусовой, где в нашей убогой комнатёнке тараканы во время обеда падали в тарелку с потолка.

Пятый класс запомнился театральными закулисами в городе Рыбинске (тогда Щербакове), где я постоянно пропадал: папа с мамой на сцене, а я в маленькой комнатке рядом, где стояла шахматная доска и куда по очереди, уходя со сцены, садились мои партнёры. Здесь я впервые увидел Павла Кадачникова – живое воплощение любимого героя из кинофильмов «Повесть о настоящем человеке» и «Подвиг разведчика». Он проездом был в Щербакове, и встретился с коллективом театра.

На следующий год, уже в театре Калуги, то ли партнёров не было, то ли шахмат, но почти всё время проводил на балконе или в оркестровой яме: там впервые услышал дуэт Бунчикова и Нечаева, потом Людмилу Лядову, взахлёб хохотал, наслаждаясь «Свадьбой в Малиновке», особенно игрой Михаила Водяного, с которым через тридцать лет вспоминал эти гастроли его театра оперетты, когда он отдыхал в Кисловодске и мы часто общались.

А потом – возвращение на родину – в Смоленск. Это был 1951 год, город ещё не восстановился после войны. Жили в бараке, около восьми квадратных метров на четверых, папа с мамой спали на кровати, а мы с братом – на сундуке (едва ли нынешние читатели даже понимают это слово). Ещё по квадратному метру оставалось для печки и убого стола. Учился в одной из старейших школ в России (сейчас это гимназия), которую прославили многие, в том числе и знаменитый путешественник Пржевальский (сплетники втихаря шептали, что он отец Сталина, уж больно похожи).

И следующие три года – шахматы, шахматы. Шахматы! В девятом классе наш незабвенный физик, умный, проницательный, по прозвищу МГБ (Макс Генрихович Бернацкий), приклеил мне прозвание – ЧАХ. В 1955 году я уже стал чемпионом области по шахматам. Потом играть почти не пришлось: служба в армии, учёба в университете, кочевая судьба собкора центральной прессы.

И в дальнейшем журналистские дороги заносили меня командировочным ветром в разные края, но вот в тех золотоносных местах, где артельщики добывали третью часть золотых богатств России, побывать не довелось. А потому я не сумею описать их, хотя очень хотелось. Фантазия здесь может соврать, тогда начнут придирааться знающие люди.

Вот и приходится мне пересказывать дальнейшие события, произошедшие на пришке, со слов Макса, Артёма, с которыми дружил, и Виталия, он не раз угощал меня в Москве, когда вспоминали прошлое.

В клубе. 1980 год

Была в общежитии комната, приличный зал, где в шкафах лежали книги, на столе – пашки, шахматы. То ли библиотека, то ли клуб. Сюда однажды вечером зашел Артём, привлечённый треньканьем гитары. Возле окна сидел на табуретке красивый блондин лет на десять старше, с профилем композитора Чайковского. Пышные волосы сплетены в косичку, длинные пальцы рук, очень сильные, видно с первого взгляда, ласкали гитару. Артём встречал его в столовой, всё хотел понять, каким ветром занесло сюда эту экзотическую для здешних мест птицу. Артист или циркач?

Гитарист дружески улыбнулся. – Кор-ми-лец, – растягивая слово, словно напевая, – протянул он. – Давай познакомимся. Знаю, тебя зовут Артёмом. Аркадий я, Соловьёв, иногда кличут Соловьём, но не к месту. Петь-то я люблю, как все геологи, да голосок слабенький. Вот странно, в руках и в теле силы хватает, а горло подкачалось.

Артём решил, что свою кличку в этой обстановке называть не стоит. Подошёл протянул руку. – А спой что-нибудь, мне интересно. – Аркадий не стал кочевряжиться.

– Ладно, я сейчас пробовал переложить на ноты один свой стих. Давно написал, лет пятнадцать назад, ещё в армии. А служил я в железнодорожных войсках, стояла часть в Советске, это Прибалтика, бывший немецкий Тильзит. Помнишь Тильзитский мир? В школе проходили.

– Помню, его император Александр с Наполеоном подписали на плоту посреди Немана. Соблюдали границы!

– Ух ты! Читать любишь? Ладно, угощу тебя как-нибудь вкусной книжицей. А сейчас послушай. Он закрыл глаза, сосредоточился, взял пару аккордов. И запел:

В предутренней рани взлетела ракета,
Испуганно канув в полоске рассвета,
И вот мы на марше, и ветер навстречу,
Усталости нашей он давит на плечи.

(– Речитатив был выразительным, но голос не соответствовал тексту. Нужен был баритон, а у Аркаши был слабенький тенорок).

Затылки и спины сомлели от пота,
Без отдыха рота, не выпалась рота,

– продолжал певец.

– Но воин огромною выдержкой ценен,
Качаются рядом упрямые тени.
Я верю устанут, я верю отстанут,
Я знаю – моею усталостью станут..
А солнце – всё выше, а шаг— всё короче.
От пыли пожухла трава у обочин.
Сапог тяжелее, чем в праздник лопата.
И обруча твёрже ремень автомата.

– Он вдруг замолчал. Артём непонимающе взглянул на него, продолжай, мол. Но Соловьёв уже поднимался, оказывается в комнату тихонько, чтобы не мешать, вошел Леонид Мончинский.

– Извините, что помешал. Что это ты пел, Аркаша? – Тот немного смутился. Он знал, что Мончинский сам пишет стихи, рассказы. — Да это так, старые стишата.

– Твои? Что же ты мне не показывал? Ещё и музыку сочинишь. – Закончи, пожалуйста, я очень хочу послушать.

Аркадий снова не стал ломаться.

– Во рту пересохло, в глазах потемнело,
Но солнцу до этого вовсе нет дела...
Дорога, дорога, дорога, дорога,
А сбоку – кому-то родные пороги.
И чья-то пшеница под ветром не гнётся.
Мой дядя отсюда домой не вернётся.
Над Неманом старым давно уже встал он
На бронзовый вечный свой пьедестал...

Тут певец закашлялся, отложил гитару.

– Простите, больше не могу.

– Ну, тогда почитай стихи!

– Я никогда этого не делал и никому свои вирши не показывал, – возразил Аркадий.

– Но ведь когда-то надо решиться. А вдруг доставишь людям удовольствие? Попробуй!

Не трусь, – добавил Леонид.

Последняя реплика и сыграла свою роль. Показать трусом? Этого здесь не мог позволить себе ни один человек. Соловьёв достал потрёпанный блокнот, слегка взмахнул им.

– Вот об этом моём старом товарище есть у меня стихи. – И начал.

– Ах, эти старые блокноты-
Судьбы опавшие листы.
За каждой строчкой – трепет ноты
Несостоявшейся мечты.
Чуть клавиши рукой тревожной
Коснёшься ненароком, вдруг —
Ласкают пальцы осторожно
Проекты юношеских мук.
Они полны надежд весенних,
Неясных снов, тревожных дум,
Когда душой владел Есенин,
А Богом был не рубль, а ум.
Но повзрослевшими глазами,
Послав прощальный им привет,
Бежишь, не выдержав экзамен,
Трусливо отложив билет.
Созревший разум откровенно
Съедает тайны прошлых лет.
Не стало тайны сокровенной,
Была загадка – больше нет.

Артём, слушая, недоумевал: почему этот талантливый парень варится в собственном соку, почему не оттачивает своё мастерство в кругу себе подобных? И концовка стихотворения: экзамен не выдержан. Интересно какой?

– Да-а-а, рублик одолевает натуру человеческую, – перебил его мысли Леонид. – Но ведь не один же экзамен в жизни человека! Вот сейчас ты на отлично сдал его самому себе, переступил через свою закрытость, стеснительность, неуверенность. Назови как хочешь. Стихи-то хорошие! Выпусти их из заточения. Я помогу тебе, чем смогу. А для начала приходи ко мне, я дам тебе почитать книгу Валентина Катаева «Трава забвения», вышла в позапрошлом году, так что ты едва ли смог её увидеть, Аркадий.

– Да уж, – рассмеялся тот, я тогда и имя-то своё редко слышал, всё больше то Соловьём, то пташечкой звали. А о чём книга?

– Раздумья о творчестве, настоящем, не случайном – выстраданном, прочувствованном. Встречи с Буниным, Маяковским. Я надолго запомнил несколько строк, очень полезных мыслей для начинающих артистов, подходит и для поэтов. Бунин для тогда ещё гимназиста Катаева вспоминает, как великий режиссёр Станиславский на репетиции сказал одному актёру: «Можете играть хорошо, можете играть плохо. Играйте, как угодно. Меня это не интересует. Мне важно, чтобы вы играли верно».

Вот так один из лучших поэтов России обсуждал на встрече со взрослеющим мальчишкой Катаевым его стихи. Поэту важно было увидеть не рифмотворчество, этому можно научиться, а умение видеть суть дела, предмета, явления и образно передать свои ощущения читателю...

Долго они говорили в этот вечер. Говорили двое, Артём лишь слушал. Но уйти не хотел, он впервые присутствовал при полёте мыслей, а не бильярдных шаров.

Вечер с Максом

Вернувшись в свою комнату, застал Макса снова с бутылкой пива в одной руке и газетой в другой.

– Что пишут твои собратья? – спросил Артём, отвыкая от выканья.

– Это «Кавказская здравница», старая газета, прихватил в Пятигорске на всякий случай. Посмотрю, думаю, что там мой друг Венька пишет. Нет его материалов. А из новостей для тебя одно интересно: братья Вайнеры отдыхали в Кисловодске, не встречал?

– Нет, не случилось. Но знаю, что побывали они в гостях у моего знакомого, зовут его Шуриком Шараманом. Знаменитый картёжник, катала, как теперь говорят. Он случайно с ними познакомился, сидел в парке на лавочке возле колоннады. Один его партнёр подбежал занять денег. Ставки в игре, которая проходила неподалёку в шахматном павильоне, резко повысились. Попался какой-то лох, хорошо его заманили, оставалось провести заключительный удар. Шурик достал довольно толстую пачку купюр, и не считая, отдал.

– А не обманут? – проходя мимо, спросил Георгий Вайнер, по прежней сыщинской привычке не упустивший из виду удивительную сцену.

– Меня? – искренне удивился Шурик. Этот ответ остановил чутких на слово и интонацию писателей. Слово за слово – познакомились, сходили в кафе, выпили пивка. А потом Шараман и пригласил их в гости вместе с друзьями.

– Так ты вхож в мир картёжников! – констатировал Макс.

– Кое – чему они меня научили, – неохотно признал Тёмка, подумав, что напрасно рассказал подробности.

– И в преферанс играешь?

Внезапно проснувшийся в нём Темнила усмехнулся и промолчал.

Макс уловил усмешку. – А в «Банк»? Знаешь такую игру?

Тёмка не выдержал: – Играю и в рамс, буру, очко, терц, штос, и в «Фаро», и в «Баязет»...

– О-о-о, – восхитился Макс. Но желание поддеть мальчишку не оставило его. А историю-то борьбы с картами в России знаешь?

– Хазар, так зовут и в Москве сейчас очень известного картёжника, а в школе его называли Серёжкой Хазаровым, немного рассказывал.

– Ну, вечернюю лекцию я сегодня устраивать не буду, хотя знаю на эту тему много, писал материал для одного журнала. Только скажу, что Уложение 1649 года, это свод законов того времени, предписывало замеченных в игре « в картах и зерню» приравнять к «татам». На первый раз их били кнутом, на второй – отрезали левое ухо, а при третьей попытке отправляли на каторжные работы.

Через полтора века ослабели законы, запрещено было лишь организовывать игорные дома, а за участие в азартных играх налагались взыскания, довольно умеренные по тем временам. А в начале 20 века объявление игры азартной, а следовательно, запрещённой, зависело уже не от закона, а от распоряжения министра внутренних дел.

– Видно, министр этот был в доле у картёжных профессионалов, – пошутил Артём. – Ведь в Кисловодске в то время, рассказывал мне один знающий гид, было много увеселительных заведений. Самое известное, «Казино», помещалось на даче «Мавритания» госпожи Барановской, где были ещё летний театр, ресторан и воздушная терраса. Неподалёку, на даче некоего Балабанова, приютилось «Филантропическое собрание».

В июне и в июле, когда к нам на Воды приезжала воистину «золотая» публика, картёжники снимали очень богатый урожай. Не бедствовало и само казино. Помню, гид говорил, что в первый же сезон, который считали неудачным, «Казино» отчиталось прибылью в 80 000 руб-

лей. Для сравнения могу добавить, что приём одной нарзанной ванны стоил от 25 до 40 копеек! Поэтому «Филантропическое собрание», которое отчисляло 40 процентов от прибыли на благотворительные дела, тоже процветало.

А уж заезжие шулеры тем более. Количество проигравшихся и разорившихся картоманов никто не считал. Но в конце сезона выяснили, что за эти несколько месяцев случилось 10 самоубийств.

– Вот и ты, Артём, прочитал мне лекцию. Счёт равный: один-один. Но я всё равно в выигрыше, понял, что с тобой играть в карты не стоит. Я азартным становлюсь, когда какое-нибудь дело всё же начинаю. Это – не начну. Спать! – скомандовал он.

Уроки в новой школе

На следующий день Артём собрался выбрать часик и смотаться на прииск. Посмотреть, наконец, как добывается золото. Во второй половине дня работы было уже мало, он отпрашился у Виталия и вышел на дорогу, чтобы поймать попутку. Вскоре она появилась. Из кабины КАМАЗа выглянул Сергей!

– Ух ты, снова неожиданная встреча. Здорово, кормилец. Подвезти? Садись.

– Так ты шоферишь здесь, земляк!

– Подожди, скоро в начальники вырвусь, – пошутил осетин.

Минут пятнадцать болтали о том, о сём. Сергей похвалился, что получил письмо от подруги, она медсестрой работает в санатории «Ласточка». Правда, вести печальные: заболел Степан Гайкович Айрапетов...

– Это главврач, который тебя на работу принимал? – уточнил Артём. – А я вспомнил, что мне о нём рассказывал Леван, мой старший товарищ, живём рядом. Он как-то по случаю выполнил просьбу одного друга – отвозил на своей машине в «Ласточку» трёх гроссмейстеров: Льва Полугаевского, Леонида Штейна и Ефима Геллера. Они участвовали в каком-то шахматном турнире в Кисловодске. Уговорил их знакомый врач, друживший с Айрапетовым.

– Да, я знаю его, это Валентин Погосян, бывал в «Ласточке» он, и оба очень любили шахматы. В тот день устроили в санатории вечер воспоминаний, Геллер ведь тогда только вернулся из Исландии, где был тренером Спасского, проигравшего матч на первенство мира Фишеру.

– Странно только, что гроссмейстеры согласились поехать в гости к незнакомому человеку в другой город.

– Разгадка проста: с ними был еще корреспондент «Кавказской здравницы», кандидат в мастера, писавший заметки с этого турнира.

– Встречался я с ним пару раз, – усмехнулся Тёмка.

– Сам он дружил со Степаном Гайковичем. – продолжал Сергей, – часто играл с ним, давая фору. Он как-то и рассказал гроссмейстерам о необыкновенной судьбе этого человека, его авторитете. Ведь в одном из корпусов санатория, дачей его называют, останавливаются только очень весомые люди. В позапрошлом году был секретарь ЦК партии Фёдор Давыдович Кулаков, который недавно умер при загадочных обстоятельствах. Постоянно, ещё с комсомольских времён, наезжает первый секретарь крайкома Михаил Сергеевич Горбачёв... Не думай, что только из-за комфортных условий отдыха они сюда едут. У Горбачёва по краю много нужных людей.

– Мне знакомые официанты в Кисловодске рассказывали, что любит он бывать в «Храме воздуха», и не раз банкеты за него еще в комсомольские годы оплачивал председатель колхоза Леонид Цинкер.

– А-а-а, я знаком с Женей, его дочкой. Они жили в элитном пятигорском доме этажом выше Виктора Казначеева, который тогда был первым секретарём горкома КПСС. Он в карьере идёт буквально по следам Горбачёва, сейчас уже второй в крайкоме. Я как-то готовился показать очередным гостям любимый фильм Степана Гайковича «Серенада солнечной долины», была такая возможность на даче. И случайно услышал, как Казначеев рассказывал, что Цинкера несколько раньше обвинили в незаконном расходовании средств. Он попытался попасть на приём к Горбачёву, но тот даже не захотел его выслушать.

– Ну, этим-то меня не удивишь. А что же, если не уют и застолье хорошее, влечёт туда начальство?

– Им интересен сам главврач: умница, с блестящей памятью, замечательный рассказчик...

– А чем же необычна судьба Айрапетова?

– Ну... Подробно рассказать не сумею, скоро прииск, подъезжаем. А в двух словах: пионерский, комсомольский вожак, два образования – медик и историк, когда немцы подходили к Ростову был оставлен органами со специальным заданием, явка была разгромлена, связанной погиб, остался Айрапетов без связей с подпольем. Устроился в немецкую организацию Тодта, которая кажется, строила различные коммуникации. Побывал в Берлине, рассказывал, что видел Гитлера на митинге... С партизанами установил связь только в начале 1944 года, кажется, с чешскими. После войны работал хирургом, потом стал главным врачом этого санатория. Писали на него анонимки, дескать, прислуживал немцам, пока на одном из активов не поднялся Нордман, начальник краевого КГБ, и не сказал, чтобы прекратили это делать. Закончил словами: «Степан Гайкович очень уважаемый нами человек».

– Я вижу, что и тобой тоже.

– Конечно. Он и мне много добра сделал. Кроме всего прочего, попросил Туманова, с которым хорошо знаком, принять меня на работу, когда я вернулся со службы в армии, поручился за меня

– А почему нужно было ручаться? – спросил Артём, понимая, что не следует упускать удобный случай узнать что-то интересное из судьбы самого Сергея.

Тот немного помялся. Потом всё-таки рассказал, что во время службы в армии попал в штрафной батальон. Обидел его замполит полка, грубо накричал, обвинив в том, что сделал напарник, не захотел выслушать, даже толкнул. Естественно, кавказский парень не вытерпел, пошёл на него медведем, подполковник побежал, Сергей за ним. Догнал, остановил, молча обхватил за пояс перевернул кверху ногами, потряс и минуту подержал в таком положении, пока не подбежал дежурный по части... Так что в биографии Сергея появилась судимость.

Прииск встретил их пьяными выкриками. Трое мужиков гнались за молодым парнем в растрёпанной курточке, выкрикивая угрозы. Он, с разбитым уже лицом, молча бежал по направлению к, может быть, спасительной машине. Сергей спрыгнул на землю и молча пошёл навстречу погоне. Распахнул руки: «Стой, ребятишки!». Хотя назвать так уменьшительно довольно увесистых громил, явно умеющих махать кулаками, было несколько неосмотрительно. Пока Артём, выскочивший из другой дверцы, обегал машину, чтобы присоединиться к Сергею, неожиданно установился мир.

– Тю, хлопцы, хйба ж не бачите, то ж Заноза, сумасшедший осетин! С ним даже Биба не советовал спорить. И Карасю он как-то примочил большую дыню под глазом... А вон и Кормилец наш тоже приплыл, очень кстати, – услышал Артём приклеившееся уже прозвище. – Он шашлычок и сварганит...

Пыл погони угас. Преследователи забыли о беглеце. Были они в хорошем подпитии.

– Что за праздник, ребятушки? – сменил Сергей обращение на более уважительное.

– У Косого день рождения! – ответил Хохол. В это время беглец, привалившийся плечом к машине, неожиданно застонал и сполз по колесу на землю.

– Что с ним? Порезали? – спросил Артём. – Не было у нас ножей, – ответил молчавший до сих пор старший по возрасту, с лысым черепом и контрастно густой бородой. А Сергей в это время уже подбежал к упавшему, стал осматривать и ощупывать потерявшего сознание парня. Гематома под глазом, шишка на затылке, а когда он провёл руками по бокам, парень снова застонал. – Наверное, рёбра сломали, ребята. Помогите поднять его в кабину.

Так и не удалось Артёму в этот раз посмотреть, как работают артельщики. Зато дальше последовал интересный жизненный урок. Дежурные по рации передали начальнику участка о том, что день рождения превратился в загульную пьянку. Тот принимает решение немедленно всех выгнать и лишить заработка за последний месяц. Но когда стали называть фамилии провинившихся, среди них оказались прекрасный механик и отличный горный мастер. Дожили по телефону Туманову. Он услышал фамилии этих двух, сказал, что завтра прилетает на вертолёт из Свердловска.

А был механик старожилом. Прошёл вместе с Тумановым огонь и воду. На Охотском побережье по указанию Вадима повёз на катере ремонтировать дизеля. В море судно легло на борт, думали, что Пётр погиб, а он на четвёртые сутки вернулся! Сдружились они с Вадимом. И это все хорошо знали.

Вот Туманов и задумался. Что же делать? Выгонять, как остальных, за пьянку? Жалко. Начал с ним разговор, сказал ему пару тёплых слов, тут окружили их бульдозеристы. Думает Туманов, что может всё-таки наказать Петра и оставить на работе. Кстати, и из зарплаты Петра уже вычли около трёх тысяч рублей. Но как же с другими? Почувствуют поблажку.

Вслух Вадим подумал: «Ну что, ребята, будем с Петром делать? Деньгами мы его уже наказали – выгонять будем? Или оставим, один раз попробуем...». Кто-то из бульдозеристов говорит: «Вадим Иванович, а как наш брат, бульдозерист, напьётся – сразу пропеллер в задницу, и пусть улетает». Туманов отвечает: «Тогда всё, я его убираю». Тут все начали его уговаривать: «Нет, нет». А ему только этого и было нужно. Поломался – поломался и оставил друга на работе.

Конечно, делился потом с друзьями, нельзя всех уравнивать, но в то же время каждый в артели чувствовал, что его никто никогда не оттолкнет, если он даже в чём-то слабее, на участке все одинаковые. Каждому готов помочь врач, баня круглосуточно для всех работает, на отдыхе – шахматы, книги, фильмы лучшие привозили, прессу. Никогда здесь не смотрели на пятую графу, уточняя национальность... И о религии никого не спрашивали.

Рассказывали потом Артёму, что был смешной случай. Разбирал Туманов какое-то дело. И вдруг кто-то из сидящих за столом говорит: «А ну, Снегурочку давай зови, она знает...». Что за Снегурочка, думает Туманов, почему не знаю? Вошла эта Снегурочка: примерно метр восемьдесят ростом, чёрный как смоль, то ли узбек, то ли таджик... Не выдержал Туманов – расхохотался, да и другие тоже.

Многие прошли через штрафные лагеря, но здесь это не имело никакого значения. Свобода и Равенство, плюс Порядок – таков был девиз Туманова. Он должен строить управление так, чтобы для всех быть одинаковым. Ведь ничто так не злит людей, как разделение на привилегированных и похуже.

Новая школа жизни щедро обогащала Артёма...

Во время обеда Артёма позвал Мончинский. – Что-нибудь не так? – взволнованно спросил Тёмка.

– Всё в порядке, Кормилец! Ведь так тебя прозвали ребята? Достойное прозвище. Присядь-ка на минутку. – Он открыл сумку, которую носил на боку, достал оттуда какую-то книгу, ласковым движением погладил обложку. – Я принёс ее для тебя. Почитай, думаю, что тебе понравится. Мне Виталий рассказал, что ты на нескольких языках говоришь. Удивил его знанием происхождения слова «дурак». А здесь можно углубиться в основы русского.

Это почти не упоминаемый сейчас писатель Сергей Максимов. Чтобы ты сориентировался, то подскажу тебе его современников-писателей: Алексей Николаевич Островский, Писемский, Аполлон Григорьев, жив был ещё Гоголь... Первую книгу Максимова, называлась она «Лесная глушь», хвалил Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. А эта мне досталась от деда моего, но, видишь, неплохо сохранилась.

Артём с благодарностью взял книгу. «Избранное». Открыл главу «Крылатые слова». И первый же заголовок («ПОПАСТЬ ВПРОСАК») заставил восторженно вскрикнуть! – Ой, а я так и не смог узнать происхождение этого выражения. – Заглянул в конец книги. – «Щелкопёр». – И это точно не знаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.